

Лучшие романы об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

Гуров идет
ва-банк

Полковник Гуров

Николай Леонов

Гуров идет ва-банк

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Гуров идет ва-банк / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-96825-1

Полковники Гуров и Крячко разоблачили миллионера Верхова, успешного бизнесмена и по совместительству беспринципного вымогателя и безжалостного убийцу. Они спасли похищенную им дочку известного предпринимателя, и тот в благодарность оплатил сыщикам круиз по Атлантике. Гуров и Крячко поднялись на палубу шикарного лайнера в прекрасном расположении духа: наконец-то им удастся отдохнуть, да еще с таким комфортом... Но мечты об отдыхе так и остались мечтами. Во время стоянки на Азорских островах на корабле произошло убийство. Остаться в стороне сыщикам не позволила профессиональная честь, и они, забыв про отпуск, приступили к расследованию преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96825-1

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Николай Леонов, Алексей Макеев

Гуров идет ва-банк

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

К высоте на Кутузовском, где в недрах этой стеклянно-металлической башни обосновались десятки – если не сотни! – офисов всевозможных компаний и фирм, подрулил шикарный черный «мерин» последней модели, какие чаще всего выбирают себе представители бизнеса, балансирующего на грани между законом и тем, что ему противоречит. Изыщно выписав красивый разворот в сторону корпоративной парковки, лимузин идеально точно притормозил в нужном месте у желтой разделительной линии, условно делящей парковку на достаточно вместимые сектора, одинаково просторные и для шустрого «Фольксвагена»-«жука», и для слоноподобного, двухметровой высоты, элитарного «Ниссана».

Двое мужчин представительного вида, в дорожных костюмах, сидевших на них как влитые, почти инстинктивным поворотом головы и движением глаз за несколько секунд изучили обстановку как рядом с их «Мерседесом», так и на значительном от него отдалении. Увиденное тревоги не внушало. Справа от «мерина» сверкал полировкой иссиня-черный «Вольво» со столь же иссиня-черными тонированными стеклами. Слева вызывающе красовался ярко-синий «БМВ». В обе стороны от них тянулись ряды изделий зарубежного автопрома самых престижных марок. Лишь кое-где бедными родственниками смотрелись «Лады Приоры» и «Нивы Шевроле».

К высокому крыльцу, широко раскинувшемуся перед вестибюлем, спешили десятки человек обоего пола разных возрастов, в одежде в соответствии с требованиями придирчивого дресс-кода. Даже издали можно было без особых затруднений определить, что собой представляет тот или иной индивидуум. Лица, имеющие властный статус, перемещались без особой спешки, непринужденно и величественно. Лица подчиненного ранга перемещались с суетливой торопливостью прислуги, одержимой непрерывным страхом опоздать, что-то забыть, вовремя не доложить, не углядеть, упустить... Наверное, даже во сне эти люди не позволяли себе расслабиться, засыпая с мыслью о том, что надо срочно сделать завтра, даже в снах видя себя на работе и просыпаясь в холодном поту при одной лишь мысли о том, что сломался будильник и теперь ужас «офисного планктона» – опоздание на работу – стал свершившимся фактом.

Навстречу потоку людей, вливавшемуся в раскрытые настежь раздвижные автоматические двери вестибюля, двигался другой поток живых двуногих механизмов, не менее озабоченных исполнением своих служебных обязанностей... Из-за этого громадина офисного центра казалась циклопическим стеклянным муравейником, а люди – суетливыми козявками, таскающими пластиковые файлы-травинки и гаджеты-гусеницы в тайники своего обиталища.

Первыми такой образ насекомообразного бытия, где личностный фактор сводится к нулю и существует лишь как безликая структурная единица общего механизма производства денег, внедрили японцы. Нация самураев с самоедским упоением довела усердие и трудолюбие до дикого абсурда, прозванного трудоголизмом, превратив саму жизнь в сплошную работу, в непрерывную погоню за неким фетишем успеха. Итогом этой нескончаемой гонки стала живая дань в двадцать тысяч ежегодно умирающих на своем рабочем месте от перенапряжения и хронической усталости, приносимая незримо Минотавру рыночной конкуренции – везде, во всем и со всеми.

Немного понаблюдав за нескончаемым потоком служилого люда, прибывшие на «Мерседесе» молча переглянулись и, надев темные очки, разом вышли из машины. Сидевший за рулем нажал на кнопку включения охранного устройства. Прокудахтав в ответ и мигнув фарами, «мерин» негромко клацнул устройством блокировки дверных замков. Водитель выглядел ниже своего спутника, но несколько шире в плечах – эдакий свежесвыросший гриб-боровик с воловьей шеей и мощными бицепсами. Однако и второй слабачком не казался. В его

движениях чувствовались энергия и мощь, а уверенный взгляд давал понять, что с этим субъектом шутки плохи.

Мужчины еще раз переглянулись и, как видно, поняв друг друга без слов, зашагали к вестибюлю. Не спеша поднявшись по лестнице к входу, они увидели перед собой просторный холл, отделенный от входа турникетами, наподобие тех, что установлены в метро. Именно через них и шел основной поток клерков и их боссов. А вот для прохода посторонних, не имевших электронных кодовых пропусков, с краю стояли несколько охранников-верзил, флегматично взиравших на мышиную суету у своего подножия.

Появление двух незнакомцев внушительного вида произвело на охранников тот же эффект, какой могло бы произвести на раскормленных, снулых доглов появление двух матерых волков, вроде бы и не проявляющих агрессии, но тем не менее в любом случае потенциально опасных. В один миг сбросив с себя рутинную дрему, они с опаской воззрились на визитеров, невольно напрягаясь и внутренне подобравшись. Те, без суеты и спешки, предъявили свои документы, согласно которым субъект повыше являлся неким Мишиным Анатолием Денисовичем, президентом торгового дома «Эдельвейс-супер», а второй – Рогалиным Кузьмой Олеговичем, председателем совета директоров «Эдельвейса».

– Вы к кому, господа? – настороженно вглядываясь в незнакомцев, спросил старший охранник.

– В офис компании «Файв эппл», к господину Верхову, по вопросам делового сотрудничества. Он ждет нас, – невозмутимо известил Мишин.

– Прощу! – Отступив в сторону, охранник пропустил незнакомцев в холл.

Они зашагали по мозаичному полу, украшенному морскими пейзажами, выложенными из мелкой смальты, и, подойдя к лифту, скрылись в его кабине. Мгновение спустя она помчалась ввысь, унося их на пятый этаж. Неотрывно наблюдавший за ними охранник тут же снял трубку дежурного телефона и, набрав трехзначный внутренний номер, негромко сообщил:

– Вадим, к вам гости. Какие-то два бугая, некие Мишин и Рогалин. У вас такие ожидалась?

– А, да! – немного подумав, откликнулся тот. – Торговый дом «Эдельвейс-супер». Мы в курсе.

– Ну, добро... – Охранник в недоумении чуть заметно пожал плечами и добавил: – Только, скажу тебе по дружбе, что-то они мне не понравились.

Положив трубку, он вспомнил, что однажды где-то уже видел эти лица. Но где? Память отчаянно буксовала, не желая извлекать из своих тайников сведения об этих людях, которые вызвали у него непонятную, подсознательную тревогу. Безнадежно махнув рукой, старший охраны занялся очередным визитером, через пару минут начисто забыв про гостей «Файв эппла» – до них ли, если народ прет и прет, как будто объявили последний день Помпеи. А зря... Всего через несколько минут он будет вынужден вспомнить об этих людях по причине весьма серьезной и в чем-то даже неожиданной.

Мишин и Рогалин тем временем, поднявшись на нужный этаж, вышли из лифта и увидели напротив себя троих охранников нехилого сложения, явно поджидающих их. Не моргнув глазом визитеры с невозмутимым видом шагнули им навстречу, покинув гламурную по своему интерьеру кабину лифта.

– Господин Мишин? Господин Рогалин? – спросил старший этого «трио» верзил в униформе.

– Да, это мы, – безмятежно улыбнулся тот, что ростом повыше.

Оба не спеша сняли очки и положили их в нагрудные карманы пиджаков.

– Прощу простить, господа, но у нас железное правило – личное оружие, если таковое имеется, сдается на хранение, – с извиняющимися нотками уведомил их старший.

– Это не вопрос! – снова улыбнулся Мишин и непринужденно, с некоторой даже элегантностью, извлек из-под пиджака компактную «беретту» с хорошими показателями по части кучности стрельбы и убойной силы на приличном расстоянии.

Таким оружием мог располагать только человек, ворочающий огромными деньжищами, – это охранник понял с «полпинка». Рогалин, улыбнувшись одними лишь уголками губ, достал из-за пазухи российскую «Гюрзу», стреляющую бронебойными пулями. Подобными «игрушками» может владеть только человек, занимающий в криминальной иерархии далеко не последнее место.

Уважительно приняв оружие и положив его в сейф, вмонтированный в стенку невдалеке от лифта, охранник вопросительно посмотрел на гостей.

– Это – все! – усмехнувшись, сказал Мишин и повернулся к своему спутнику: – У вас, Кузьма Олегович, случайно в кармане базуки не завалилось? – с убийственной иронией поинтересовался он.

– Нет, только пара атомных бомб... – в тон ему невозмутимо сообщил тот. – Я так понимаю, господин Верхов в отношении нас имеет какие-то подозрения? Если мои предположения верны, то наш визит сюда считаю ошибкой. Мы ошиблись адресом, а посему намерены откланяться. Господину Верхову передайте от нас большой привет и пожелание заняться чем-то другим, а не тем, чем он занимается сейчас. Лично нам он не нужен. Это мы ему нужны. И если наша с ним встреча начинается с такого моветона, то мы, наверное, пошли. Наше имущество, плиз! – И Рогалин протянул руку, требуя вернуть ему пистолет.

Поняв, что явно перестарался, охранник суетливо задвигал руками и, в момент утратив остатки величественности, затараторил:

– Господа, господа! Я приношу свои глубочайшие извинения, если в отношении вас мы допустили хотя бы намек на какую-либо неуважительность! Господин Верхов ждет вас, можете к нему пройти. Просто, понимаете, поступила информация... Ну... О том, что сегодня возможны не очень приятные форс-мажоры. А вот о том, в связи с чьим визитом подобное может произойти, выяснить не удалось. Вот и приходится... М-м-м... принимать особые меры предосторожности. Еще раз великодушно прошу простить!

Мишин молча смерил его взглядом, в котором читалось: «И ты думаешь, я тебе поверил? Не там ищешь лохов, клоун!...» – но вслух сказал другое:

– Хорошо, извинения приняты. Идемте!

Впятером они пошли по широкому коридору, застеленному роскошной ковровой дорожкой, скорее всего сотканной где-нибудь в Туркмении по специальному заказу, по обеим сторонам которого тянулись ряды дверей, сработанных из драгоценного палисандра. Стены коридора до уровня плеча были отделаны полированным мореным дубом, а выше, как и потолок, – мерцающей искорками гладкой мраморной плиткой. Дорогие светильники с плафонами венецианского стекла, каждый из которых наверняка стоил не одну тысячу долларов, источали потоки яркого, но не раздражающего глаз мягкого света.

В конце коридора старший охранник толкнул дверь, ничем не отличающуюся от остальных, и все пятеро вошли в просторную приемную, в сравнении с которой роскошь холла и коридора меркла весьма и весьма. Породистая красотка-секретарша, окинув гостей взглядом дивных выразительных глаз, немедленно сняла трубку и чуть томным грудным голосом известила:

– Арнольд Захарович, к вам гости. Они могут войти? Прошу вас, господа! – Положив трубку, она просияла неотразимой улыбкой и гостеприимным жестом указала на дверь кабинета.

Рогалин, с самого первого мгновения не отрывавший от нее своих плотоядных глаз, можно сказать, внутренне закипел от избытка тестостерона при виде столь роскошной самки.

Поймав его взгляд, гложущий ее нестерпимой жадой обладания, секретарша от неожиданности немного даже отпрянула назад. Судя по всему, такие посетители бывали здесь нечасто.

Пройдя следом за охранниками в кабинет Верхов, Мишин и Рогалин увидели идущего им навстречу плотного крепыша лет пятидесяти, правда, с уже выпирающим брюшком, но, судя по походке, еще в самом расцвете сил. Жизнерадостно улыбаясь, мужчина протянул Мишину руку, однако она встретила пустоту. Гость и не подумал подавать свою, с непонятым презрением разглядывая своего визави. На лице хозяина кабинета улыбка тут же погасла, сменившись гримасой крайнего недовольства.

– В чем дело? – раздраженно спросил Верхов, окидывая взглядом заносчивого невежу. – Что за понты дешевые?

– Где господин Верхов? – проигнорировав сказанное, строго посмотрел на старшего охранника Мишин. – Нас когда тут кончат разводить «на дурочку»?

Рогалин, явно соглашаясь со своим спутником, снисходительно усмехнулся.

– У вас что, совсем крышу сорвало? – кипятился тем временем хозяин кабинета. – А кто тогда я, по-вашему? Что за ерунду вы городите?

Однако его гневный демарш оказался гласом вопиющего в пустыне. Гости не удостоили расходившегося господина даже мимолетным взглядом, словно его тут не существовало вовсе. Все свое внимание они сосредоточили на старшем охраннике. С величием короля Мишин окинул его ледяным взглядом и жестко уведомил:

– Ваш лохотрон, господа хорошие, не удался. С этим комедиантом мы не собираемся даже пикироваться – он и этого не стоит. Или мы сейчас увидим господина Верхов, или немедленно уходим. Вам это ясно?

Столь же величественным жестом, отодвинув в сторону охранника, он шагнул к выходу, и в этот же миг, вынырнув из потайной двери под цвет стен кабинета, выскочил точно такой же, похожий на первого, крепыш с пузцом.

– Господа, добрый день! – как ни в чем не бывало подскочил он к Мишину и, схватив его руку, усердно ее потряс.

Затем то же самое проделал и с рукой Рогалина. Недовольно покосившись в сторону своего неудачливого «клона», настоящий Верхов изобразил неприметный жест рукой, и тот, словно беззвучная тень, молча исчез за потайной дверью. Продолжая широко улыбаться, крепышок с фальшивым радушием увлек гостей к столу, рассыпаясь в извинениях и комплиментах. При этом охранники, вместо того чтобы покинуть кабинет, почему-то остались стоять у двери. Это гостям крайне не понравилось, но они сделали вид, что ничего особенного не замечают.

– ...Интересно было бы узнать, господа, как вам удалось раскусить нашу веселую шутку? – продолжал усердствовать в фальшивой жизнерадостности и липовом радушии хозяин кабинета. – Вы, конечно же, догадались, что ничего злонамеренного в этом невинном розыгрыше не было?

– Ну, как же это не было? – с вызовом посмотрел на Верхов Рогалин. – Очень даже было! Предположим, распознать подмену нам не удалось, и мы подписали с этим ряженым серьезные контракты на очень крупные суммы. Что дальше? Чуть позже, в нужный момент, вы объявите, что ни о каких договоренностях в упор не знаете и исполнять их не намерены, поскольку подписаны они невесть кем, и мы тут же вылетаем в трубу. Вам не кажется, что именно все так и задумывалось?

– Господа-а-а!.. – с наигранным укором протянул Верхов. – Как можно носить в душе столь тяжкий груз недоверия? Я находился за дверью и собирался войти в тот самый момент, когда вы в полной мере начали бы общение с моим заместителем, считая, что общаетесь лично со мной. Представляю, каким могло бы быть выражение ваших лиц при моем появлении! Просто, понимаете, чисто случайно на должность своего первого зама я принял человека, имею-

щего со мной прямо-таки невероятное сходство. Однажды это уловив, шутки ради, чтобы разрядить излишне чопорную обстановку, я начал устраивать такие маленькие представления. Только и всего!

– Сделаем вид, что вам поверили... – с долей сарказма в голосе ответил Мишин. – А раскусить подлог было несложно. Если в общих чертах лица вы очень похожи, то форма ушей – совершенно разная.

– Да?.. – огорченно вздохнул Верхов и снова расплылся в дежурной улыбке: – Ну, бог с ними, с ушами, давайте ближе к делу. Мы подготовили к отправке на ваш адрес крупную партию товара, по шестьсот долларов за единицу изделия. Если вас цена устраивает, можем прямо сейчас подписать соглашение. Бумаги уже готовы! – Он выложил из кейса пачку бланков, изобразив приглашающий жест.

Гости молча переглянулись и без тени улыбки воззрились на него.

– Вы не там лохов ищите, господин Верхов! – строго отрезал Рогалин. – Ваши конкуренты аналогичную продукцию, причем куда более высокого качества, предлагают впятеро дешевле. Больше ста долларов не дадим – и не мечтайте.

По лицу хозяина кабинета было заметно, что он крайне недоволен ходом разговора, но все равно изо всех сил пытался удержать маску добродушия и приветливости.

– Господа, давайте немного отвлечемся от наших дебатов, от недоверия и критики в адрес друг друга. – Вскочив со своего места, Верхов забежал по кабинету. – Что бизнес? Что деньги? Они ли главное в этой брэнной жизни? Ведь главное – это то, что мы от нее можем взять. А взять от нее мы можем очень многое, к тому же необычайно приятное. Как вы смотрите на то, чтобы нам сейчас закатиться куда-нибудь в сауну, с горячим парком, с молодыми красивыми девушками? А? Посидим там, сбросим груз негативных эмоций, расслабимся, оттянемся по полной... Ну а уж потом вернемся к нашим, как это называется, баранам. А? Кстати, как вам моя Ритуся? Чудо! Сгусток женственности и обжигающей страсти. Ну, так как? Едем?

Входная дверь неожиданно распахнулась, и в кабинете появилась секретарша с подносом, на котором красовались три чашки с горячим кофе. Окинув присутствующих томным многообещающим взглядом, она грациозной волнистой походкой направилась к столу. Но Мишин, опередив хозяина кабинета, поспешившего было в ее сторону, взял с подноса чашку, стоявшую чуть в стороне от прочих, и картинно раскланялся:

– Мерси! Обожаю кофе, особенно заваренный такой красавицей. – Отхлебнув из чашки, он блаженно зажмурился и причмокнул, наблюдая за позеленевшим от злости Верховым: – Божественно!

Ритуся тоже отчего-то вдруг как-то смешалась, растерянно глядя на своего босса. Продолжая нагонять на себя веселость, тот взял с подноса чашку и, поднеся ее ко рту, с недовольным видом поставил обратно на поднос:

– Ритусик, будь аккуратнее, в кофе попала какая-то соринка! Замени!

– Ой! И у меня в кофе тоже соринка! – следом за ним вернул нетронутую чашку Рогалин.

Видимо, поняв, что этих двоих ему не провести, Верхов помрачнел и насупился. Теперь от его фальшивого оптимизма не осталось и следа. Пройдясь по кабинету, он остановился напротив гостей и, зловеще ухмыльнувшись, уже без всякой дипломатии обронил:

– Значит, шестьсот баксов для вас дороговато... А за тысячу не хотите? Я уже сейчас потратил на разговор с вами не менее сотни тысяч «зеленых». А время, как известно, деньги. И вы обязаны их мне вернуть.

– Похоже, наш разговор и в самом деле был напрасной тратой времени, – поднимаясь с места, окинул его ироничным взглядом Мишин. – А посему желаем здравствовать. Идемте, Кузьма Олегович!

– Да, вы совершенно правы, Анатолий Денисович! – согласился тот, явно намереваясь направиться к выходу.

Лицо Верхова снова исказилось злобой, и он сделал непонятный знак своим охранникам, все это время с отсутствующим видом стоявшим у двери, и те, мгновенно выхватив пистолеты с глушителями, навели их в сторону визитеров.

Для чего-то посмотрев на часы, Мишин, без малейшего намека на испуг или смятение, вопросительно взглянул на хозяина кабинета и с невозмутимым видом поинтересовался:

– И что все это означает?

– А это означает то, что или мы с вами подписываем контракт на моих условиях, или вас отсюда вывезут на отдаленный пустырь с пулевыми ранениями в голову! – хищно пригнувшись, зло прошипел Верхов.

– Поня-я-ятно... – протянул Рогалин. – Так это ты Георгия Бальцмана укокошил?

– Да, я! – торжествующе ухмыльнулся тот. – Он тоже оказался слишком упертым.

– Но в таком случае нам вообще нет резона идти тебе на уступки, – неожиданно рассмеялся Мишин. – Судя по твоей откровенности, ты и нас в живых оставлять не собираешься. С какой стати делать тебе столь богатый предсмертный подарок?

– Вам сейчас мои ребята прострелят ноги, потом кое-куда запихнут по паяльнику и включат их в сеть. Когда запахнет горелым мясом, вы сами будете умолять о том, чтобы вам прострелили «чердак», – с каким-то садистским сладострастием причмокнул Верхов, явно чувствуя себя хозяином положения. – Как вам такая перспект...

Договорить он не успел – со стороны приемной донесся отрывистый, лязгнувший металлическими нотами разрушения грохот взрыва. Охранники растерянно оглянулись в сторону двери. Всего лишь на миг. Потом вопросительно обернулись в сторону босса, ожидая его распоряжений по части того, что теперь делать и как им реагировать на непонятную акустическую аномалию, и их глазам открылось весьма неожиданное зрелище.

Верхов, побледнев и выпучив глаза, стоял раскорячившись, как корова, неожиданно для себя оказавшаяся на скользком льду. За его спиной, заломив ему туда правую руку, стоял Рогалин, при этом в свободной руке он сжимал лезвие безопасной бритвы, приставленное к нижней челюсти хозяина кабинета. Даже на первый взгляд было ясно, что Верхов находится в более чем трудном положении – всего одно короткое движение руки, и лезвие вмиг перехватит его сонную артерию, со всеми вытекающими безнадежными последствиями.

Какое-то мгновение в кабинете царило некое подобие знаменитой «немой сцены» из гоголевского «Ревизора», но куда более драматичное и леденящее некоторыми деталями антуража. Опомившись, охранники навели оружие на прикрывшегося их хозяином дерзкого смутьяна, но их остановил резкий окрик Мишина:

– Не дергаться! Иначе и вам несдобровать. Оружие на пол – живо!

– Вы... выполняйте!.. – с трудом двигая побелевшими губами, кое-как выдавил Верхов.

– Пистолеты ко мне! – жестко распорядился Мишин.

Ошарашенные происшедшим охранники, неуклюже положив свои «пушки» на скользкий, до блеска натертый паркет, один за другим ногой отправили их в его сторону. Подняв пистолеты, гость профессиональным движением проверил обоймы и, мотнув в сторону охранников стволом крупнокалиберного «роджерса», скомандовал:

– Всем лечь!

Хмурые, донельзя деморализованные охранники неохотно выполнили команду, явно ничего хорошего для себя не ожидая. Рогалин, отпустив Верхова, кивком головы указал ему на кресло во главе стола. Тот, переставляя ватные ноги, кое-как добрался до него и, кособоко плюхнувшись на кожаные подушки, судорожно замер, испуганно взирая на агрессивных посетителей.

Рогалин, тоже вооружившись одним из пистолетов, зачем-то начал рыться в шкафу.

– А ты чего ищешь-то? – недоуменно взглянул в его сторону Мишин.

– Паяльники... – нарочито скучающим тоном сообщил тот. – Раз тут такая развлекуха в ходу, то почему бы и нам малость не поразвлечься? Ща в момент организуем... Ты куда их нам собирався втыкать-то? Может, напомнишь? – И многозначительно посмотрел на Верхову.

Хозяин кабинета с мучительным мычанием вдавился в кресло, заранее предчувствуя весь тот ужас, который может его ожидать. Заворочались на полу и охранники, запоздало сожалея, что так легко сдались на милость победителей, которые, судя по всему, миловать никого не собирались. Поняв, что еще секунда, и в этом помещении начнется катавасия – одни кинутся бежать, а другие пустят в ход оружие, Мишин громко объявил:

– Спокойствие! Кузьма Олегович пошутил. Никто никого паяльниками пытаться не собирается. Но это станет возможным, если присутствующие не выполнят наши требования.

– Че... Чего вы хотите? – несколько воспрянув духом, угодливо подался вперед Верхов и выжидающе посмотрел на Мишина.

– Десять миллионов баксов, – спокойно ответил тот, словно речь шла о десятке, которую он собирався одолжить до получки.

– Сколько?! – У Верхову от услышанного даже челюсть отвисла. – Да у меня сроду таких денег не было!

– Слушай, хорош уши мне тереть! – поморщился Рогалин, продолжая копаться в шкафу. – О! А вот и паяльники! – обрадованно воскликнул он, доставая из малоприметного ящичка два стоваттных паяльника с непривычно большими рабочими штырями, торчащими из нагревателей сантиметров на десять.

– Господин Верхов, – сев напротив, пронизывающим взглядом окинул его с макушки до носков ботинок Мишин, – это для вас-то десять миллионов запредельная сумма? А как же те двадцать пять «лимонов» долларов, которые «Файв эппл» оттяпал у некоего совместного предприятия под названием «Мультикапитал»? Да, конечно, миллионов пять «зеленых» ушло на продажные суды и хапуг-прокуроров. Но остальное-то пока еще цело! Это не считая прежних пятнадцати миллионов, которые были прихвачены ранее со счетов убитого вами Бальцмана. Хватит приbedняться!

Ошарашенный осведомленностью своего чрезвычайно опасного гостя, хозяин кабинета некоторое время молча взирал на деловито разматывающего провод Рогалина. А тот, глядя как бы в никуда, чему-то многозначительно улыбался одними уголками губ. Судорожно сглотнув, Верхов с трудом перевел взгляд на Мишина, который казался более цивилизованным и менее жестоким.

– Хорошо... – потянулся он к телефону. – Я сейчас позвоню своему финансовому директору и распоряжусь приготовить деньги. Вы бы как хотели их получить – прямо здесь или он будет обязан положить их в условленное место?

– Разумеется, он будет обязан передать их нам в условленном месте, куда вам придется проехать с нами, – спокойно пояснил Мишин. – Деньги он должен положить в большую удобную сумку, стодолларовыми купюрами, сто пачек по сто тысяч долларов. Когда все будет приготовлено, я поясню, куда и как их доставить. Кстати, господин Верхов, только без хитростей и глупостей! Малейшее подозрение с нашей стороны, что вы собираетесь нас каким-то образом обмануть, и ваша песенка спета. О-кей?

– Да, да, я согласен... – усердно закивал тот, набирая какой-то номер.

Немного подождав, Верхов поручил некоему Давиду Арвидовичу снять со счета десять миллионов наличных и, уложив деньги в сумку, немедленно об этом доложить, после чего, положив трубку, с постным видом сообщил Мишину:

– Максимум через полчаса все будет готово.

– Прекрасно! – широко улыбнулся тот, пройдясь по кабинету. – Приятно видеть человека, с которым всегда можно найти общий язык. Если все пройдет как должно, вы не постра-

даете и на волос. Если же что-то пойдет не так, то завтрашний день этот мир встретит уже без вас.

– Нет, нет, – поевшись, отрицательно замотал головой Верхов, – никаких подвохов! Все будет чисто...

Медленно тянулись минуты. Охранники раскоряченными бревнами лежали на полу, не рискуя даже перешептываться. Их хозяин безрадостно взирал на окружающее, уйдя в свои мысли. Мишин продолжал неспешно прохаживаться по кабинету, а Рогалин, найдя в стенном шкафу роскошный бар с набором бокалов и фужеров, со знанием дела дегустировал дорогие французские коньяки. Заглянув было в кабинет секретарша, испуганно ойкнув, немедленно скрылась за дверью. Но закрыть ее за собой не успела. Мишин негромко, но весьма властно окликнул ее:

– Рита, зайдите сюда!

Некоторое время за дверью царил тишина, после чего секретарша медленно вошла в кабинет, округлившимися глазами глядя на обоих визитеров.

– Вот что, Рита, – снисходительно усмехнулся Мишин. – Надеюсь, вас не очень сильно напугал случившийся недавно небольшой фейерверк?

– Н-нет... – Затравленно оглядываясь, девушка продолжала стоять у двери, держась за нее, как за спасательный круг.

– Замечательно! – Мишин словно не замечал ее подавленности и продолжал говорить как ни в чем не бывало: – Тогда к вам просьба. Если кто-то будет спрашивать Арнольда Захаровича, передайте, что он сейчас крайне занят и очень скоро обязательно перезвонит. Хорошо?

– Да, да, – заикаясь, выдохнула Маргарита, пытаясь улыбнуться, но вместо этого на ее лице появилась гримаса страха. – Я... Все сделаю, как вы сказали...

– Риточка, ну, что вы такая напуганная? – с оттенком укоризны подал голос Рогалин. – Не хотите попробовать «Фин-Шампань» или «Хеннесси»? Чудные напитки, настоящее совершенство. Давайте выпьем?

Ничего не ответив, секретарша умоляюще посмотрела на Мишина. Тот небрежно махнул рукой и негромко обронил, не глядя в ее сторону:

– Вы свободны...

– Спасибо, спасибо вам! – Рита мгновенно бесшумной тенью скрылась за дверями.

Верхов, наблюдавший за этой сценой, угрюмо покосился в сторону Рогалина. Тот, заметив это, рассмеялся:

– Ты ревнуешь? Стра-анно... Никогда бы не подумал, что «голубые» могут ревновать к кому-то свою подчиненную. Ну, чего вытаращился? Да всем уже давно известно, что ты к женщинам абсолютно равнодушен. Ты и женат-то только для блезиру, а на деле живешь с мужиком. Могу даже сказать, как его зовут...

– Заткнись!! – взвыл Верхов, с ненавистью глядя на своего бесцеремонного разоблачителя. – Не твое собачье дело! Баксы слупил – это одно, а остальное тебя не касается!..

Слышавшие их диалог охранники, лежа на полу, молча переглянулись. Судя по всему, эта сторона жизни босса им была неизвестна. Кое-кто из них, несмотря на неопределенность ситуации – оставалось неясным, останутся ли они в живых, – позволил себе неуважительную ухмылку – ну и ну, а Арнольдуска-то – педик!..

Глава 2

Тем временем перед зданием офиса остановились три микроавтобуса, из которых разом выгрузились человек двадцать в темно-серой камуфляжной униформе без знаков различия, зато с черными масками на лицах. Срывая с плеча короткоствольные штурмовые автоматы, они ринулись к зданию, шокируя случайных прохожих и персонал офисного центра, а также его посетителей. По ближней округе началась тихая паника. Правда, с некоторыми исключениями. Нашлись и такие, кто поспешил достать сотовые телефоны с функцией видеосъемки и, хоронясь за углами и стволами тополей, начал снимать происходящее.

Однако тут же произошло то, что вообще никто не мог предположить даже приблизительно. Из-за угла стремглав вылетели пять «Газелей» с тонированными стеклами, и из них высыпало человек сорок в сером камуфляже, в масках и бронежилетах. Здоровенный мужик, высадившийся первым, подняв мегафон, прорычал зычным басом:

– Вниманию граждан бандитов! Всем стоять на месте, не двигаясь. Оружие медленно положить к ногам, руки заложить за голову. Неподчинившиеся будут немедленно уничтожены. Имею полномочия открывать огонь без предупреждения. Все поняли?

Команда ранее прибывших недоуменно замерла, а потом разом развернулась назад, вскинув на изготовку стволы автоматов. Над улицей повисла напряженная тишина. Было яснее ясного, что, стоит прозвучать хоть одному выстрелу, автоматные очереди тут же раздерут пространство улицы во всех направлениях, неся смерть и правому, и виноватому. Неожиданно один из стоявших на крыльце неизвестных метнулся к застывшей в нелепой позе дамочке средних лет и, прикрываясь ею, истерически завопил, прижимая ствол автомата к ее голове:

– Всем назад! Всем в машины! Немедленно! Иначе я ее убью! Слышали? Считаю до трех! Раз, два...

Сказать «три» он не успел. Откуда-то сверху, с противоположной стороны улицы, донесся негромкий хлопок. Почти одновременно с этим захвативший заложницу рухнул наземь, заливая все вокруг струйкой крови, бьющей из простреленной головы. Прочие, растерянно переглянувшись, начали нагибаться и складывать оружие. Сначала один, потом трое, потом все остальные. Из-за угла тут же вырулило несколько больших фургонов для перевозки заключенных. Задержанную банду, сковав наручниками в цепочки по четыре человека, загрузили в прибывшие «автоКПЗ» и куда-то увезли. Куда-то увезли на машине с красными крестами и только что убитого бандита.

Здоровяк, командовавший операцией, набрав на своем сотовом чей-то номер, пророкотал в трубку:

– Лев Иванович, все в порядке. «Карасей отправили в садок», потери с их стороны – один наповал, наши ребята и случайно оказавшиеся рядом не пострадали. Какие будут дальнейшие распоряжения?

Визитер Верхова, назвавшийся Рогалиным, выслушав доклад, удовлетворенно кивнул и негромко произнес:

– Ты и человек десять сюда, в офис «Файв эппла». Задержать всех без исключения. Остальные на улице принимают «упаковки». Выполняйте!

Через несколько минут офис Верхова, заблокированный у входа парой автоматчиков, впервые с момента своего появления в этом здании пережил нечто необычное. В его кабинеты, внося панику и сумятицу, входили суровые, неразговорчивые спецназовцы, выводили сотрудников фирмы и под конвоем вели их к специально для этого прибывшим микроавтобусам. Для женской части «офисного планктона» было сделано некоторое послабление – дам выводили без наручников и сажали в отдельный относительно комфортабельный автобус.

Появление спецназовцев в кабинете Верхова у его хозяина и охранников вызвало шоковую реакцию – они предполагали все, что угодно, но даже и близко не могли себе представить истинной сути происходящего. Прежде всего они были потрясены тем, как их легко, можно даже сказать играючи, провели двое оперов, умело сыгравших полукриминальных дельцов. Верхов потому и клюнул на такую наживку, поскольку заранее сделал вывод, что, даже ограбив своих клиентов, он может не опасаться ни полиции, ни прокуратуры. Какой дурак побежит туда жаловаться, зная заранее, что сядет сам по причине личных неладов с УК и прочими, не менее значимыми, сводами законов?

Вошедший в кабинет рослый парень в камуфляже и черной маске гулко доложил:

– Товарищ полковник! Кабинеты от персонала освобождены. Опергруппа может начинать обыск?

– Да, приступайте, – кивнул тот, кто именовался Мишиным.

В этот момент из-за спины старшего группы спецназа вынырнула переполошенная Маргарита и, испуганно перебегая взглядом с Рогалина на Мишина и обратно, горемычно всхлинула:

– А меня-то за что хотят арестовать? Я-то что плохого сделала?

– Не арестовать, а задержать для выяснения! – строго уведомил спецназовец.

Появившиеся в кабинете еще двое парней в сером камуфляже собрались уже увести девушку под руки, но Рогалин их остановил:

– Да, ее можно оставить. Она сидела на телефоне, к заключению договоров отношения не имела, так что будет проходить как свидетель. Вы лучше вот этих троих деятелей пакуйте и на погрузку.

– Вы... Вообще... Кто такие? – все еще будучи не в силах опомниться, вытаращился Верхов.

– Полковник полиции Гуров, – представился «Мишин». – Главное управление уголовного розыска. А это полковник Крячко, – указал он на нахально улыбающегося «Рогалина».

Закручивая винтовой пробкой бутылку с «Хеннесси», тот изобразил хитрую гримасу, которую можно было понять однозначно: обманули дурака на четыре кулака!..

– Ах, туды т-твою... – обхватив голову руками, досадливо простонал Верхов. – Я еще подумал, что где-то этого «Мишина» уже видел... Е-п-р-с-т!.. По телику же как-то показывали в новостях. Как же я не узнал-то?

– Значит, я могу идти? – неуверенно пожала плечами Маргарита.

– Да, идите, – великодушно бросил Крячко. – К вам у нас вопросов нет.

– Та-а-ак... Это что же получается? Кто-то останется беленьким и пушистеньким, а всех собак повесят на меня одного? – неожиданно воскликнул Верхов. – Это она-то всего лишь свидетель? А ну-ка, расскажи, святая наша, как подсыпала клиентам наркоту, как...

– Сволочь! Тварь! Ублюдок! Педик! – побледнев, выпалила девушка. – Ты же меня принудил, скотина! Сначала подставил, а потом держал на коротком поводке, типа того, чуть рыпнешься – сядешь. Разве не так?

– Это ты еще попробуй доказать, – ядовито хохотнул тот. – А вот факт того, что в кофе была наркота, могут подтвердить и эти двое ментов. Что, скажете, там ничего не было?

– Лев Иванович, по-моему, в кофе ничего не было, кроме случайной соринки. Я почему-то в этом уверен, – вопросительно посмотрел на Гурова Крячко.

– По-моему, тоже... – согласился «Мишин».

– Я все равно один отвечать не буду! Тут есть люди, которые по пояс в крови. А я могу отвечать лишь за мелкое мошенничество, остального не докажете! – уже утратив малейший намек на недавний апломб и самоуверенность, натужно прокашлял Верхов.

– Это кто тут в крови? – окончательного рассвирепев, рассерженной кошкой фыркнула Маргарита. – Да если кто и в крови, то уж ты-то превзошел кого угодно. Балыцмана ты лично

ударил ножом. А Валентина Крылова? Его тоже ты убил! А нашу бывшую главбухшу Софью Кирилловну? Ты лично закапывал ее еще живой! Сволочь!

Хозяин «Файв эппла» ошарашенно воззрился на свою подчиненную. Судя по его реакции, он даже не подозревал, что ей известны его самые грязные дела. А расходившаяся секретарша продолжала выкладывать все новые и новые кровавые факты из гнусного жития своего босса:

– ...Своего первого любовника Анастаса ты напоил наркотиком, а потом задушил. Начальника службы безопасности Костикина тоже ты убил!

– От... Откуда ты все это знаешь, сучка дешевая? Кто тебе все это слил? – придушенным шепотом спросил Верхов и тут же перешел на истерический крик: – А-а-а!!! Все – гады! Все – предатели!

– Но я еще не сказала про самое интересное... – Явно оскорбившись «сучкой дешевой», Маргарита пригнулась, как пантера перед прыжком: – Это же ты, шваль, у своего лучшего друга три дня назад украл дочь.

– Врешь! – позеленев, задергался Верхов. – Зачем это мне было нужно? Я свои два «лимона» баксов предложил похитителям, чтобы спасти девочку!

– Действительно, зачем ему это было нужно? – переглянувшись с Крячко, задумчиво произнес Гуров. Хотя по его лицу можно было понять, что ответ на этот вопрос он уже знает.

– Чтобы всю эту семью свести в могилу, – сердито рассмеялась секретарша. – Два года назад, думаю, не без его «помощи» отчего-то умерла жена Игоря Полянцева, его лучшего друга и компаньона, с которым он когда-то начинал бизнес. Игорь тогда очень переживал, у него даже начало сдавать сердце. А этот скот нанес ему второй удар – приказал своим отморозкам похитить Лизу, его дочь. Девочке всего восемь лет, а он ей уготовил такое, что врагу не пожелаешь!

– Врешь! Врешь! Врешь! – От бессильной злости босс затрясся, как вурдалак на шабаше. – Где доказательства?

– Кстати, если вы знали о похищении девочки, почему не сообщили нам? – Гуров окинул девушку строгим взглядом. – Это более чем странно, если вам ее и в самом деле жаль.

Понурив голову, Маргарита некоторое время молчала.

– Я хотела вам сообщить, но боялась этого «мокрушника». Да и узнала-то только сегодня утром, – наконец призналась она.

– И откуда же ты узнала? – продолжал неистовствовать Верхов.

– Из твоего телефонного разговора, – искоса взглянула на своего босса Ритуля. – Два дня назад я вмонтировала в твой телефон «жучок» и записала разговор с каким-то Гоблином. Ты ему поручил завтра вечером учинить Лизе пытку, совершить насилие над ребенком, а потом зверское убийство, снимая все это на видео. Ты все хорошо просчитал, иуда. Игорь уже сейчас живет на таблетках. А увидев, что делали с его девочкой, он бы не выдержал. Или умер от разрыва сердца, или пустил бы себе пулю в голову. И тогда ты смог бы захватить его пакет акций.

– Верхов, где ребенок? – глядя на него в упор, жестко спросил Гуров.

– Я к этому непричастен! – истерично пролаял тот.

– Ну, что мы зря тратим время? – усмехнулся Крячко. – Сейчас снимаем с него штаны, и он через пять минут рассказывает даже то, чего до этого не знал. Кстати, орать, что мы нарушаем закон и используем пытки, бесполезно – тут никто и ничего не видел и не слышал.

Он снова размотал шнур паяльника и, оглядевшись, включил его в ближнюю розетку. Сделав Маргарите знак, чтобы она вышла из кабинета, направился к побледневшему Верхову. Скрутив его в бараний рог, без заметного усилия приволок трясущегося отморозка к концу стола с лежащим на нем паяльником. Плюнув на жало, отчего раздалось короткое шипение, Станислав оглянулся на Гурова.

– Лев Иванович, поддержи этого недоделка. Ну а я подарю ему незабываемые ощущения на всю его оставшуюся жизнь. Кстати! Ты «голубой» по части «актива» или «пассива»? –

хохотнул он. – Ну, да ладно... Это теперь для тебя не будет иметь никакого значения. В любом случае ты автоматически попадаешь в «пассив». Как говаривала одна моя знакомая из Гомеля, «стронляй потыхеньку»...

Передав скрученные запястья Гурову, Стас взял уже пышущий жаром паяльник и поднес его к чреслам трясущегося негодяя. Поняв, что еще немного, и ему в самом деле придется пережить нечто кошмарное, что он сам ранее практиковал достаточно часто в отношении строптивных клиентов, Верхов завизжал почти по-пороссячи:

– Не-е-ет!!! Не надо! Я скажу! Она в деревне Акулькино – там есть руины барского поместья. Она в подвале.

– Охрана? Кто при девочке? – с сожалеющим видом, крутя в руке паяльник, спросил Крячко.

– Двое – Гоблин и Каха... Они там в соседней сторожке кантуются. Если вы взяли всех моих ребят, то, кроме этих двоих, там больше никого, – посуливая, признался Верхов.

Знаком подозвав к себе спецназовца, все это время стоявшего у двери, Гуров распорядился:

– Этого пакуйте и вместе со всеми в КПЗ. Десять человек определите, кто поедет с нами в Акулькино. Мы впереди пойдем на «Пежо», группа поддержки идет сзади в полукилометре.

...Полчаса спустя со стороны МКАД в направлении Электростали промчался особо ничем не примечательный серый «Пежо». Сидевшие в нем двое рослых мужчин, одетых скромно и неброско – ни дать ни взять мелкие коммерсанты-розничники отправились на поиски новых рынков сбыта своему турецко-китайскому ширпотребу, – молча смотрели на бегущую им навстречу дорогу. Гуров и Крячко, учитывая особый характер предстоящей операции, вновь, что называется, впряглись сами. Да и как можно было переложить на кого-то ответственность за жизнь ребенка, оказавшегося заложником в руках завязтых отморозков?

За те недолгие минуты, пока шли сборы на второй этап операции, Гуров успел созвониться с главком и взять у информанщиков характеристики на Гоблина и Каху. Гоблин, по паспорту Габалин Роман Тариэлович, был профессиональным мошенником, лет пять назад неожиданно для всех поменявшим масть, переквалифицировавшись в марвихера – скупщика краденого. На этом-то он и погорел, купив у какого-то мелкого воришки раритетную брошь работы семнадцатого века и продав ее за границу. Отсидев срок, он как будто завязал, но, судя по всему, ненадолго.

Каха, он же Фумасин Илья Степанович, когда-то начинал пушером – наркоторговцем, толкавшим «дурь» по мелочовке. Однако по совокупности срок ему отмотали достаточно крупный. Выйдя с зоны, он перешел на более серьезную мелкооптовую торговлю героином. Наладил контакты с таджикскими транзитерами. Но те попытались его кинуть при передаче товара, и он, впад в ярость, убил одного и ранил двоих ножом, после чего снова отправился на нары. Отмотав более десяти лет, вышел из тюрьмы окончательно деградировавшим, потерявшим все человеческое отморозком. В сравнении с ним даже Гоблин смотрелся чуть ли не эстетом-гуманистом.

И вот в руках этой «сладкой парочки» уже несколько дней подряд находился ребенок, едва сделавший в своей жизни первые шаги...

– Если эти скоты ее обидели, то оба сдохнут «при попытке оказать вооруженное сопротивление», – сидя рядом со Львом на пассажирском кресле, проворчал Крячко, трогая рукой в подмышечной кобуре своего безотказного «макарушку». – Ну а если убили – шкуру заживо сниму!

– Не заводись раньше времени... – чуть покосившись в его сторону, урезонивающе обронил Гуров. – Какая-никакая, но дисциплина есть и у них. Думаю, до завтра тронуть ее они не посмеют.

– Будем надеяться... – насупился Стас.

Привычный ко всему, он так и не смог очерстветь к таким вещам, как насилие и издевательство над детьми. В какой-то мере завзятый циник, способный на «шутку черного юмора», иногда даже не в самый подходящий момент, он сразу же становился другим, когда дело касалось ребенка. Обидевший «желторотика» мгновенно становился его заклятым врагом со всеми вытекающими последствиями. Вот и теперь, направляясь в Акулькино, он заранее настраивался на запредельно жесткий вариант действий в отношении уголовников, карауливших малолетнюю заложницу.

Дорога к полузаброшенной деревне шла через перелески, петляла меж каких-то болотцев, пару раз взобралась на пологие холмы. Наконец, в очередной раз обогнув небольшую кучу деревьев, опера увидели за стеной разросшегося кустарника позеленевшие шиферные крыши деревенских домов. Не доезжая до деревни, Гуров свернул вправо и, проехав метров сто по едва приметной колее, остановился в чащобе одичавшей сирени.

– Дальше идем пешком, иначе нас могут заметить и расшифровать. У бандюг чутье на опасность бывает почти звериное, – резюмировал он.

Опера сообщили по рации следовавшим за ними спецназовцам свои координаты и, пригнувшись, двинулись через буйно разросшиеся кустарники к виднеющимся в некотором отдалении остаткам старой стены, сложенной из бордово-красного кирпича. Подобравшись к ней вплотную, они огляделись. Метрах в сорока слева от них среди зелени чернел обитый рубероидом старый строительный вагончик.

– Они – там! – доставая свой «штайр», шепотом сообщил Лев. – Заходим с разных сторон.

Стараясь идти бесшумно, они пробирались через кустарники и заросли бурьяна. Гуров вслушивался в каждый звук, который мог бы доноситься со стороны вагончика. В воздухе царил полная тишина, нарушаемая лишь голосами птиц да доносящимися со стороны деревни какими-то хлопками, словно там кто-то с размаху бил палкой по чему-то мягкому. «Ковер, что ли, выколачивают?» – мысленно определил Гуров и в этот момент услышал... детский голос, доносящийся со стороны вагончика. Он тут же замер, напряженно вслушиваясь.

Снова послышался голос девочки лет восьми. Но звучал он спокойно. В какой-то мере даже требовательно, словно пленница (если только это была она) от кого-то требовала выполнить какие-то условия. Лев поспешил подойти вплотную к вагончику и, приложив ухо к двери, вслушался в доносящийся до него диалог.

– ...Каха, ты давай не понтуй! – строго выговаривала девочка. – Продул? Продул! Карточный долг святой. Понял? Ухи свои подставляй!

– Давай, давай, Каха! – с ехидной подначкой хриловато загоготал пропитой мужской голос. – Не мне же одному ходить с опухшими ушами! Ну, ты даешь, Лизка-мурлыска! Охренеть можно! Такая малявка, и так в карты режется... Гадом буду – сроду такого не видывал!

– Да ладно, ладно, – неохотно согласился низкий насморочный тенор. – Лупи! Блин, кто тебя только так мухлевать наблатыкал? Ой, бля!.. Ух ты! Ой!.. – в такт уверенным, громким шлепкам послышались его недовольные междометия.

Подкравшийся с другой стороны Стас тоже удивленно замер. Они с Гуровым молча переглянулись и языком жестов и мимики определились: Крячко резко открывает дверь, а Лев врывается в вагончик. Тут шлепки и ойканье закончились, и из-за двери снова донесся уверенный детский голос:

– Ну, как, я снова сдаю?

– Нет, теперь я буду! – недовольно пробурчал Каха. – Ты, в натуре, катала еще та!

– Пусть сдает! – послышался голос Гоблина. – Сам-то мухлюешь, чуть маза подвернется!

– Какого хера ты мне взялся указывать? Ты... – перешел почти на крик Каха, но его голос оборвался от того, что произошло в следующее мгновение.

Дверь вагончика неожиданно распахнулась настежь, и внутрь запрыгнул здоровенный тип в скромном сером спортивном костюме, зато с пистолетом в руке. Широко улыбаясь, незнакомец заговорил добродушным тоном:

– Это чего вы тут делаете-то? В картишки перекидываетесь? А меня примете? Чего-нибудь замутим на четверых... А?

Гоблин и Каха ошалело вытаращились на незнакомца, силясь понять, кто этот странный весельчак. А тот, не давая им опомниться, неожиданно шагнул к девочке и одним движением подхватил ее с пола. Та успела издать лишь испуганно-удивленное «Ой!» и тут же оказалась в руках еще одного дядьки, который следом за первым откуда-то снаружи запрыгнул в вагончик.

И только тут до незадачливых картежников дошло со всей очевидностью, сколь тупо они облажались с исполнением своих прямых обязанностей. Опомнившись, Гоблин и Каха попытались было схватиться за оружие, но упреждающий окрик незнакомца: «Не двигаться! Пристрелю – пикнуть не успеете!» – их словно парализовал.

Они поняли: это тоже проигрыш. Только куда более серьезный.

Тем временем девочка, не понимая, что происходит, с криком стала вырываться из рук Станислава Крячко. Ее тюремщики, применительно к их обязанностям и сложившейся ситуации, на это отреагировали несколько странно. Гоблин, зло оскалась, возмущенно заорал:

– Вы кто такие? Отпусти малявку, беспредельщик! Вы знаете, на кого наехали?

– Тихо! – оборвал его «спич» Гуров. – Мы из полиции! Лиза, успокойся, ты сейчас поедешь домой, к своему папе. Домой хочешь?

– Да, хочу! – согласилась девочка, но тут же решительно добавила: – А Гобу и Каху не убивайте. Не надо!

– Их никто не убивает и не убьет, – серьезно, как взрослому, заверил ее Лев. – Они-то тебя не обижали?

– Не-а... – покрутила головой Лиза. – Не обижали.

– Их счастье... – свирепо усмехнулся Крячко.

– Слушай, начальник, да она нам, в натуре, была как корифанка! – возмущенно выдал Каха. – Чтوب я сдох! Такую запаadlo было бы обижать.

Прибывшие через минуту спецназовцы, заковав обоих бандитов в наручники, повели их к спецмашине. Те шли понуро, угрюмо уставившись в землю. Как рассказала девочка, пока ехала с операми к себе домой, сначала бандиты и в самом деле замышляли в отношении ее нечто крайне гнусное. Минувшим днем они привели ее из подвала в свой вагончик и решили сыграть в карты на то, кому она достанется. Предложение Лизы сдать карты и ей вызвало у ее тюремщиков дикий хохот.

Но карты они все-таки сдали. И тогда девочка, явив, по сути, взрослое самообладание и не по-детски развитую смекалку, предложила сыграть на интерес: если выигрывает она, то они ее не смеют обижать. Если они, то она не будет жаловаться никому, что бы с ней ни произошло. Бандиты согласились и... Проиграли! Игра была продолжена. Теперь уже на щелбаны, битье картами по носу и ушам. К концу дня стало ясно, что это юное создание – настоящий талант по части игры в очко, в покер и даже в буру. Проиграв ей право ночевать в вагончике, в подвал с бегаящими там крысами тюремщики свою победительницу препроводить не посмели – карточные законы святы.

– А кто ж тебя научил так играть в карты? – слушая повествование Лизы, поинтересовался Крячко.

– Моя няня Нина... – горделиво улыбнулась юная шулерша.

Как оказалось, Нину, прибывшую в Москву откуда-то из глубинки, наняла няней мама Аня, некоторое время назад погибшая в автомобильной катастрофе. Тогда Лизе было пять и ее родителям, постоянно занятым на работе, нужно было с кем-то оставлять не в меру непоседливую дочку.

Нина в семью Полянцевых попала случайно. Она здорово выручила Анну в тот момент, когда молодую женщину попытались обокрасть борсеточники. Увидев, что владелицу дорогой «Мазды» отвлекает разговором некий тип южной наружности, тогда как другой в этот момент, открыв заднюю дверцу, собирается что-то оттуда вытащить, Нина, не раздумывая, грохнула его по голове своей сумкой, в которой лежали только что купленные продукты. Вор с испуганным воплем тут же ринулся наутек. Его напарник, поняв, что «скок» сорвался, тоже поспешил исчезнуть в толпе, а мама Аня, узнав, что выручившая ее провинциалка ищет работу, предложила ей стать няней.

Нина для их семьи оказалась сущей находкой. Няня Нина стала для Лизы вторым человеком после мамы, а когда та погибла, помогла девочке пережить это горе. Только после смерти мамы Ани Лиза узнала грустную тайну няни Нины. Оказалось, что та три года отсидела в самой настоящей тюрьме. Причем за убийство. Спасая своего малолетнего сына от озверелого соседа-алкоголика, который невесть за что начал душить шестилетнего малыша, она запустила в его голову мерзлым поленом, которое угодило отморозку прямо в висок.

«Самый гуманный и справедливый», опираясь на постулат «неотвратимости наказания», который в отношении законченных отморозков почему-то всегда действует смягчительно, а в отношении невиновных ужесточительно, принял во внимание точку зрения «ока государева», требовавшего пять лет тюрьмы, и снизошел до трех. И напрасно во все инстанции три года подряд шли коллективные письма из деревни Перепелка, где люди кровью готовы были подписаться под заверениями в добропорядочности мокрушницы Нины. Как выяснилось позже, сбрендивший алкаш доводился дядей одному из судейских, и поэтому Нина, несмотря ни на какие ходатайства, отбыла тюремный срок «от звонка до звонка». Вернувшись домой, она поняла, что на местные нищенские заработки сына ей не поднять, и поэтому отправилась в Москву...

О том, что Нина отбывала срок, Лиза узнала случайно. Застав ее как-то за переодеванием, она увидела вытатуированную у нее на плече розу, опутанную колючей проволокой. Попросив девочку ничего не говорить отцу, Нина рассказала, откуда у нее такое странное «тату». Как всякий ребенок, Лиза проявила настырное любопытство и уговорила няню Нину не только рассказать ей о своей жизни в заключении, но и научить карточным играм. Пройдя за три года настоящие тюремные университеты, Нина в совершенстве овладела самыми разными способами мухлежа, которые и передала не в меру способной ученице. Кто бы знал, что однажды это тюремное искусство поможет той избежать боли, унижения и смерти?

– А твой папа к Нине как относится? – взглянув через зеркало на девочку, сидевшую на заднем сиденье машины, поинтересовался Гуров.

Та, помолчав некоторое время, не очень охотно произнесла:

– Я поняла, что вы хотите спросить. Нет, они не спят вместе. Она очень правильная женщина. И еще, если бы она с ним спала, он мог бы увидеть ее татуировку и сразу догадаться, что няня Нина мотала срок. А она очень не хотела, чтобы он это знал.

Слушая Лизу, Стас конфузливо крякнул – подобные суждения из уст восьмилетней собеседницы звучали как-то уж очень эпатажно. Они коротко переглянулись с Гуровым, как бы безмолвно отметив: эта кроха далеко пойдет! А девочка, как видно войдя во вкус своих философствований, продолжала:

– Я няне Нине говорила, что, раз уж моя мама умерла, теперь ты поженись с моим папой и будешь мне мамой Ниной. Но она сказала, что бывшая эчка моему папе не пара. А он с этой зимы дружит с тетей Ритой. Она красивая, но мне не нравится. Когда к нам приходит и здоровается со мной за руку, то как будто рыбу мороженую сует...

Не выдержав, Крячко зажал рот и громко фыркнул. Лиза строго взглянула на него и авторитетно добавила:

– И ничего смешного! Наша соседка Валентина Алексеевна, она старенькая такая, тетю Риту только раз увидела, так сразу и сказала: «И где только твой папа такую стерву откопал? Ане покойной в подметки не годится!» Баба Валя людей насквозь видит. Няню Нину к себе на чай сразу позвала, а тетю Риту в упор не видит.

– Боже мой! Как рано сейчас взрослеют дети! – смеясь, сокрушенно вздохнул Станислав. – Да, как говорится, устами младенца глаголет истина. Жаль только, что лексикончик слишком уж дворовый. А вообще-то ты молодец, в жизни не пропадешь! – Оглянувшись, он подмигнул невозмутимо восседающей на сиденье девочке, по виду которой никак нельзя было сказать, что это недавняя узница.

...Игорь Полянцев, осунувшийся, с черными кругами под глазами, едва увидев Лизу, опрометью кинувшись к дочери, прижал ее к себе. Судя по всему, он уже потерял надежду увидеть ее живой и невредимой. Следом за ним из подъезда элитной высотки, повторяя на ходу: «Ой, Лиза! Ой, девочка моя!..» – выбежала молодая женщина с несколько полноватой фигурой, но весьма приятной наружности.

Утирая слезы, она тоже обняла свою подопечную, что-то шепча ей на ухо. Вымученно улыбнувшись, Полянцев ладонью смахнул с ресниц бисеринки влаги. Шагнув к операм и взяв их за руки, он несколько сумбурно заговорил:

– А пойдете-ка к нам! Господи! Сегодня мне улыбнулось неслыханное счастье – я просто слов не нахожу!.. Мужики, идите, отметим это событие. Идите, идите!

– Идите! – подняв голову, улыбнулась им няня Нина. – Я как чувствовала, что сегодня Лиза будет дома. И Игорю Васильевичу сказала: все будет хорошо. Даже твой любимый пирог испекла, – склонившись к девочке, заговорщицки проговорила она.

– Ну, что? Давай пойдем, уважим людей... – взглянул на Стаса Гуров.

– Да, пожалуй, пойдем... – согласился тот, но в этот момент у Льва зазвонил телефон.

– Нет, наверное, уже не пойдем... – по звуку угадав, что это генерал Орлов, с оттенком сокрушенной иронии резюмировал Гуров.

И оказался абсолютно прав. Петр был настроен деловито и весьма сурово.

– Вы где там? – чуть ворчливо поинтересовался он. – Ребенка отцу уже передали? Ну, что ж, молодцы! Но, я так понял, вы сейчас наверняка собираетесь слегка остограммитесь там, посидеть в гостях, расслабиться...

– Предположим, да... – усмехнулся Лев, заранее зная, что тот скажет дальше.

– Так вот, господа опера! Никаких посиделок! – с некоторой даже желчностью объявил Орлов. – Быстро ко мне – тут по вас плачет о-о-очень интересное дело. При загадочных обстоятельствах погиб замминистра столичного уровня. Даю три дня срока на раскрытие. Приступить к работе немедленно.

– Но-о... – начал было говорить Гуров, однако в трубке раздались короткие гудки.

– Охренеть! – уловивший краем уха содержание разговора, сердито всплеснул руками Крячко. – Хотя бы сегодня дал передышку! Вот злыдень-то!..

Извинившись перед огорченным Полянцевым, опера направились к машине. Стас на ходу оглянулся и, пару мгновений понаблюдав за Игорем и Ниной, которые за руки вели жизнерадостно подпрыгивающую Лизу, сдержанно хмыкнул. Лев вопросительно посмотрел в его сторону и тоже оглянулся.

– Дурак он будет, если Нину на Ритку променяет, – уверенно объявил Стас, садясь в машину. – С той разве что в постели хорошо покувыркаться. И то еще вопрос, какая она там. А вот для жизни – лучше этой ему не найти.

– По-моему, свой выбор Игорь уже сделал... – запуская двигатель, отметил Лев. – Или ты ничего не заметил?

Крячко изобразил недоуменную гримасу и с оттенком некоторой зависти покосился в сторону приятеля – везет же некоторым! Все насквозь, блин, видит! Тут пока расчухаешься, пока раздумаешься... А этот черт премудрый – раз! – и уже выдает готовые выводы.

...Как ни отбрыкивались они, как ни упирались, ссылаясь на необходимость восстановления духовных и физических сил, Орлов был неумолим: дело о гибели замминистра поручено именно им, и выполнить работу они обязаны в течение ближайших трех дней. Правда, Петр не преминул хоть как-то подсластить пилюлю, пообещав по завершении этого внеочередного дела предоставить-таки им многократно обещанный отпуск. Это решило все. Прямо из кабинета Петра приятели отправились осматривать место происшествия. Выходя последним, Стас не смог не оглянуться и не состроить гримасу своему настырному начальнику.

На следующее утро, зайдя к Орлову с докладом о первых выводах, они увидели там Игоря Полянцева. Уже вполне оправившийся от недавних треволнений, тот выглядел жизнерадостным и бодрым. Обменявшись с операми рукопожатием, Игорь тут же откланялся и скрылся за дверью. Догадавшись, что речь сейчас шла о них, приятели выжидающе взглянули на Петра.

– Да, да, да! – выдержав паузу в полном соответствии с учением Станиславского, закивал тот. – Именно о вас мы сейчас и вели разговор. Вкратце это выглядит так. За беспримерный подвиг по спасению ребенка господин Полянецв презентует вам трехнедельный тур по Атлантике в каютах первого класса. Причем тур рассчитан на четверых. Ну, с кем поедет Лева – ясно заранее. А вот с кем Стас... Хм... Пусть думает.

– Знаешь, Петро, я бы с удовольствием взял тебя, но, боюсь, слишком многими это будет воспринято превратно, – с преувеличенно огорченным видом заговорил Крячко. – Так что, извини, поеду с женщиной...

Орлов и Гуров дружно рассмеялись.

– Уши бы тебе надрать за некоторые не вполне уместные намеки... – покрутив головой, вздохнул Петр. – Ну, да ладно – живи. Что там у вас? Докладывайте!

Когда они вышли из кабинета генерала, Лев, многозначительно улыбнувшись, негромко обронил:

– Кажется, я понял, с какой именно женщиной ты собираешься ехать.

– С какой? – одновременно и с вызовом, и встревоженно переспросил Стас.

– С известной нам обоим Риточкой, секретаршей Верхова, – невозмутимо произнес Гуров.

Услышав это, Крячко в первое мгновение собрался выпалить: «Да ты что, офонарел? С какой это стати? Да на кой бы хрен она мне сдалась-то?» – но тут же понял, как все это глупо может выглядеть со стороны. Поэтому, немного поразмыслив, сказал совсем другое:

– Слушай, а не податься ли тебе на «Битву экстрасенсов»? Мысли ты уже читаешь, события предвидишь... Прямо Вольф Мессинг, едрена корень!

– О-о-о! – рассмеялся Лев. – Я собирался пошутить, а он, оказывается, и в самом деле на Риту запал. А что? Красотка еще та... Только она, мне представляется, проходит как свидетель и будет нужна для проведения следственных действий.

Поморщившись – надо же, как прокололся! – Стас беспечно махнул рукой:

– Нерешаемых вопросов нет, разрулим! Мария-то твоя сейчас как – свободна? А то как бы тебе самому не пришлось давать в Интернете объявление: «Ищу попутчицу для шикарного круиза по Атлантике», – и он с ехидцей хохотнул.

– Она со вчерашнего дня в отпуске... – безмятежно уведомил Гуров. – Ладно, что уж делить шкуру неубитого медведя? Сначала надо дело раскрыть, а то будет нам с тобой круиз...

Глава 3

Мощные турбины авиалайнера, почти со скоростью ружейной пули мчащегося по маршруту Москва – Лондон, гудели слитно и мощно, правда, в рамках децибел, отпущенных им новыми евростандартами, «иловские» или «туполевские» турбины имеют обыкновение шуметь куда громче. Сидя в кресле, Лев Гуров временами посматривал в окно. Мысленно сопоставляя время пути и скорость самолета, он предположительно просчитывал, что в данный момент находится под ними – Белоруссия, Польша или Германия.

Сидевшая рядом с ним его спутница жизни, ведущая актриса одного из знаменитых московских театров Мария Строева, рассеянно листала взятый в дорогу какой-то культурологический журнал. В душе она не испытывала особого восторга от предстоящего круиза. Отчего-то с самого начала, как только Лев сообщил ей о предстоящей поездке, она вдруг ощутила к ней совершенно необъяснимое внутреннее отторжение. Такое с ней было впервые. До этого они уже несколько раз вдвоем отправлялись в дальние странствия по миру, и это ее обычно радовало, вливало в душу новые силы и бодрость. Но отчего же в этот раз все совсем наоборот? «Может, старею?..» – с некоторым оттенком грусти подумалось Марии.

Как будто догадавшись о ее мыслях, Гуров повернулся к жене и внимательно всмотрелся в ее лицо:

– У тебя скверное настроение... Твое женское внутреннее чутье говорит о каких-то грядущих неприятностях? А вот мое, мужское, предвещает только самое безоблачное, самое приятное путешествие. Кто из нас прав?

– Не обращай внимания... – беззаботно махнула рукой Мария. – Это, наверное, возрастное.

– Что, что?.. – нахмурился Лев. – И это я слышу от самой оптимистичной, самой жизнерадостной, самой... В общем, во всех отношениях самой, самой, самой? Нет, я не настаиваю. Если считаешь, что поехали мы напрасно, то давай возьмем в Лондоне билеты и вернемся обратно. А что? И в Москве не заскучаем. Вот, по грибы съездим, в Серебряном бору позагораем, по Золотому кольцу прокатимся. Ты как на это смотришь?

– Да будет тебе! – рассмеялась Мария. – Уж поехали, значит, поехали. Лев, от судьбы не уйдешь. Если нам суждено столкнуться с чем-то... не очень приятным, то и в Москве может случиться все, что угодно.

Сидевший сзади Крячко прервал оживленную болтовню с Маргаритой и, склонившись к ним, с утрированной строгостью поинтересовался:

– Это кто там надумал сойти с дистанции? Никаких отклонений от избранного курса – вперед, и только вперед! Рит, ты как?

– Ой, нет, только не в Москву! – замотала та головой. – Я – за круиз. К тому же поплывем-то мы не на «Титанике»? Нет. Значит, бояться нечего.

...Стас, как видно, и в самом деле не на шутку «запал» на секретаршу Верхова. Через пару дней он появился с цветами на пороге ее квартиры в новом микрорайоне Хамовников. Увидев вчерашнего опера, который первоначально вызвал у нее не самые позитивные эмоции, девушка нехотя кивнула, приглашая его войти.

Маргарита пребывала не в самом лучшем расположении духа сразу по нескольким причинам. Во-первых, она оказалась, пусть и как свидетель, замешанной в скандале с похищением Лизы Полянцевой. Во-вторых, Игорь Поляnceв – наверняка не без настояний своей дочки – сделал свой выбор в пользу этой деревенщины Нинки. А в-третьих, она теперь будет вынуждена видеть его каждый день как своего нового босса, всякий раз вспоминая о своем поражении. Игорь, проявив завидную прыть, сумел, на следующий же день «построив» акционеров,

объединить два осколка компании, разделенной пару лет назад из-за тупых амбиций Арнольда, и теперь он стал единоправным главой огромного холдинга.

И вот тут перед ней неожиданно появился опер, которого, по всем законам логики, она могла увидеть разве что мимоходом на улице. Кое-как оправившись от первого потрясения, Маргарита все же приняла цветы и выслушала спич своего гостя. Тот, по сути, закатил пылкое объяснение в любви, что, к ее же удивлению, неожиданно вызвало в душе весьма сильный отклик. Под натиском этого крепыша в потертой кожанке она внезапно забыла об Игоре, о своих огорчениях и, проникшись к нему расположением, пригласила пообедать. Потом они гуляли по городу, ели мороженое, сидели в маленьких уютных кафешках. Их отношения развивались столь стремительно, что Стас в конце концов остался у нее до утра.

Маргарита охотно приняла приглашение своего нового бойфренда отправиться в путешествие, и вот теперь они мчались в «старую добрую Англию», чтобы там, в Ливерпуле, сев на океанский лайнер, отправиться куда-то очень далеко. Как Стасу удалось уладить вопросы с ее отъездом, осталось загадкой даже для Гурова.

Появление Крячко в аэропорту с Маргаритой Льва и Марию удивило очень и очень. Увидев приятеля с красоткой из офиса в зале для регистрации, Гуров только и смог изумленно проронить:

– Ну, ничего себе!..

А хитрюга Стас, хранивший свой секрет до последнего мгновения, выглядел чрезвычайно довольным произведенным им эффектом. Именно на такую реакцию он и рассчитывал. Однако, как бы там ни было, Мария Строева оставалась недостижимой для любой из своих попутчиц – и по какому-то особому шарму, и по обаянию. Лишь раз взглянув в ее сторону, Маргарита поняла сразу и окончательно: это – настоящая королева, и любая из фрейлин, сколь бы хороша она ни была, рядом с ней все равно останется лишь фрейлиной.

...Когда самолет преодолевал воздушное пространство уже где-то над Францией, Мария вдруг молча поднялась и зашагала по проходу в сторону хвоста самолета. «Дамские проблемы...» – чуть усмехнувшись, отметил про себя Лев. От нечего делать он вслушался в болтовню Стаса и Риты. Те обсуждали качество лондонских пабов, причем со знанием дела – ни дать ни взять два завязанных пабмена. «Смотри-ка, как наш Стас расчирикался! – несколько удивился Гуров. – Откуда только всякой этой ерунды набрался? И все-то он знает – и про пинты, и про эль... Да, закрутил мозги бедной девахе – е-мое!..»

В этот момент сзади он услышал голос Марии. По его интонации можно было понять, что она чем-то весьма недовольна. Лев оглянулся и увидел, что следом за Марией, возвращающейся на свое место, тащится какой-то боров с багровой квадратной физиономией. Причем не просто тащится, а нагло пристаёт со своими ухаживаниями.

– Н-не, ну, ты ч-чо? – пьяно бубнил он, пытаясь схватить ее за руку и нагло ухмыляясь. – Ч-чего корчишь-то из себя недотрогу? Перепихнемся в тубзе – и все дела...

– Хам! – гневно воскликнула Мария.

Мелькнула ее рука, и на весь салон раздался звук пощечины.

– Е-о-о! – отшатнувшись, завопил наглец, выпучив глаза и хватая ртом воздух. – Да я тебя... – И в этот миг перед ним появился крепкий рослый мужчина с пристальным, изучающим взглядом.

– Слышь, ты, жертва трудного детства! – Незнакомец говорил жестко и уверенно. – Катись на свое место, пока цел, а то я тебе сейчас устрою небо в бриллиантах!

– Это кто тут такой грозный? – саркастично поинтересовался еще один, ростом чуть пониже, с мощными плечами и толстенной мускулистой шеей, тоже поднимаясь со своего места. Даже со стороны было ясно, что при всей своей бегемотоподобности в физическом плане хам явно уступал незнакомцу, но, утратив чувство реальности, решил себя «поставить» и показать «ху из ху». – Пошел ты, чмошник дешевый! – отвесив губу, чванливо обронил он и

неожиданно выбросил вперед свой крупный угловатый кулачище, намереваясь ударить в лицо посмевшегося заступить ему дорогу.

Но... Профессионально поставленный удар своей цели не достиг, уйдя в пустоту. Зато сам крутяк, немного взметнувшись вверх, покатился назад после мощного кросса, не менее профессионально проведенного ему в нижнюю челюсть. В салоне послышались охи и испуганные возгласы. Прибежали стюардессы, что-то восклицая по-английски и испуганно всплескивая руками. Они помогли хаму, утиравшему с разбитой губы выступившую кровь, подняться на ноги и вернуться на место.

Сбегав за аптечкой, стюардессы приложили к распухающей губе какой-то компресс. Краем глаза Гуров заметил, что крутяк незаметно сунул в карман каждой из девиц по несколько крупных купюр. Что это могло значить, он понял некоторое время спустя...

Когда они шли по просторам аэропорта Хитроу, уже пройдя таможенный контроль, к ним неожиданно подрулили сразу четверо рослых «бобби» в традиционных касках, которые без обиняков предложили Гурову следовать за ними. И Стас, и Мария с Маргаритой попытались было доказать, что подобное задержание незаконно, что их спутник ни в чем не виноват, а если и применил физическую силу, то исключительно в целях самообороны, защищая честь женщины от пьяного подонка. Но англичане, словно не слыша их, направились к терминалу, где находился местный полицейский отдел охраны аэропорта.

Препроводив Льва в «обезьянник» английского образца – куда более цивилизный и благоустроенный, чем российские, констебль сел писать протокол. Менее чем через минуту в отделении появился крутяк в сопровождении неуверенно жмущихся стюардесс, который прямо с порога затараторил на скверноватом английском нью-йоркского образца:

– Это он, господин офицер, это он! Он ударил меня в лицо и грозился взорвать самолет!

– О чем вы говорите? – на отличном английском возразила Мария. – Этот негодяй приставал ко мне с непристойными предложениями и пытался ударить моего мужа. Это была всего лишь самооборона! Вы посмотрите – он пьян! А мой муж трезв. Спросите пассажиров – они подтвердят, кто здесь настоящий виновник.

– Я полностью подтверждаю слова этой леди! – на вполне внятном английском произнесла Маргарита.

Даже Стас, в пределах своего корявого английского, сурово уведомил:

– Хи доунт фоолт! (Он не виноват!)

– Что вы их слушаете? Они же из одной компании! Ясное дело, подтвердят, что он ни при чем! Я – гражданин США и заявляю официально, что это – шайка террористов, прибывших для совершения терактов на территории Соединенного Королевства! Обыщите их вещи! У них там наверняка есть оружие или взрывчатка.

Судя по всему, последний аргумент для констебля оказался решающим – он угрюмо, даже с некоторой опаской взглянул на Гурова и с расстановкой поинтересовался:

– Вы действительно из одной компании?

– Да, мы вчетвером отправляемся в круиз по Атлантике, – пожав плечами, ответил Лев. – Можете проверить билеты и путевки.

– Во-о-о-н они что задумали! Утопить лайнер с пассажирами! – продолжал юродствовать крутяк. – Вот вы, леди, скажите, я приставал хоть к кому-нибудь? Вы же видели, что он ударил меня без каких бы то ни было на это оснований.

Стюардессы, усердно кивая, подтвердили, что «мистер Фифугин» в пути вел себя чрезвычайно корректно и ни к кому не приставал. Момента стычки они не видели, но уверены в том, что в самом деле «вот этот господин» ударил потерпевшего из личной неприязни.

– Леди, а в вашей компании сотрудников, которые дают ложные показания, с работы не увольняют? Особенно за получение взятки. По сколько он вам дал? По тысяче долларов? По две?

Лев смотрел на несколько растерявшихся девиц в упор, но констебль тут же пришел на выручку соотечественницам:

– Сударь, прекратите оказывать давление на свидетелей!

– Даже если это подкупленные лжесвидетели? – усмехнулся Гуров.

– Сударь, за клевету вы можете получить дополнительное наказание, – сухо вато уведомил констебль.

– Я требую вызвать сюда нашего консула! – потеряв терпение, потребовала Мария.

– Мы его уже вызвали, но он имеет обыкновение не спешить. Прибудет не ранее чем через пару дней, – столь же ровно сообщил полицейский. – Господа, вас троих прошу покинуть помещение. Вопросов у меня к вам нет, поэтому делать вам здесь больше нечего.

Выйдя в обширный холл, Крячко и окончательно сникшие дамы растерянно огляделись по сторонам. Жернова английского правосудия оказались не менее безжалостными и безразличными к судьбе ни в чем не повинного человека, чем их российский аналог.

– Так! Раз нет консула – поеду туда сам, – категорично объявил Станислав. – Если и там обломится, созвонюсь с Петром. Пусть он нажмет на свои рычаги...

В этот момент проходивший мимо них полицейский с погонами капитана резко остановился, удивленно глядя на Крячко.

– Простите, сэр, – приятельски улыбнувшись, обратился он к Стасу, – вы случайно не из России?

– Ну да, оттуда... – хмуро покосившись в сторону «бобби», пробурчал тот.

Но Мария, мгновенно сообразив, что этот человек чем-то им может быть очень полезен, тут же взяла ситуацию под свой контроль.

– Да, сэр, мы из России, – кивнула она, даря капитану одну из своих самых пленительных улыбок. – Мы чем-то могли бы быть вам полезны?

– Просто понимаете, леди, некоторое время назад в Лондоне проходил саммит бывших агентов спецслужб, и во время этого форума двое русских полицейских оказали нам бесценную помощь в расследовании убийства гражданина Германии Альфреда Кеннеля и в предотвращении гибели людей во время теракта в отеле «Альбион». Не вы ли один из них? – внимательно посмотрел он на Крячко.

Разобрав из сказанного лишь «Альфред Кеннель» и «Альбион», тот мгновенно сообразил, что проказница-судьба послала-таки им палочку-выручалочку в лице этого случайно оказавшегося здесь «бобби». Просияв улыбкой, Стас стукнул себя в грудь кулаком и радостно заговорил:

– Йесс, йесс, сэр! Ай эм – Станислав Крячко, энд май френд Лев Гуров!

– О-о-о! Мистер Гуров здесь? – искренне обрадовался капитан. – Он у нас своего рода знаменитость – его называют вторым Шерлоком Холмсом. Я мог бы его увидеть?

– Да, он здесь, – кивнула Мария, – но в данный момент находится в полицейском участке.

– А-а-а, понимаю! – хитровато подмигнул англичанин. – Делится опытом изобличения преступников, действующих на транспорте.

– Увы, все совсем наоборот, – грустно усмехнулась Мария. – Его задержали по ложному обвинению в организации драки на борту самолета.

Она вкратце рассказала о случившемся во время пути. Помрачнев, капитан пробормотал:

– Бездельники! – и решительно направился к двери участка.

Его появление для констебля было полной неожиданностью. Увидев старшего по званию, тот поднялся с места и начал докладывать о происшедшем, но капитан его перебил, обратив свое внимание на «потерпевшего» и его «свидетельниц».

– Так вы говорите, мистер Фифугин, этот джентльмен ни за что вас ударил, а вы, сударины, это подтверждаете? – строго спросил он, пристально глядя на внезапно смешавшуюся троицу. – Я сейчас же разыщу пассажиров с этого борта и через пять минут буду знать правду.

И тогда, леди, если вы дали ложную информацию, то едва ли отправитесь в свой следующий полет.

– Сэр, мистер Фифугин – гражданин США, – встревоженно произнес констебль, – и я счел его показания более заслуживающими доверия...

– То или иное гражданство не может служить как индульгенцией, так и доказательством виновности! – сурово отчеканил капитан.

– Сэр, простите нас, сэр!.. – испуганно залепетали стюардессы, начиная рассказывать нечто совсем иное – совсем не то, что ими говорилось несколько минут назад.

Обескураженный констебль, побагровев, разозленным быком глянул на окончательно потерявшегося «крутяка». Тут же был составлен другой протокол, согласно которому тот выкладывал из своего кармана больше тысячи фунтов стерлингов в качестве уплаты штрафа за ложные обвинения.

Когда все формальности были закончены, капитан обернулся к Гурову и, приятельски улыбнувшись, поинтересовался:

– Вы меня, наверное, не помните, сэр?

– Почему же? – выходя вместе с ним из полицейского участка, тоже улыбнулся Лев. – Вы – Алан Грисби. Но год назад, помнится, вы были старшим лейтенантом.

– О! У вас потрясающая память! – удивился тот. – Да, благодаря вашей помощи я получил внеочередное звание, поэтому я ваш должник! Мы не могли бы через часок – у меня в четыре заканчивается служба – посидеть в каком-нибудь кафе?

– Очень жаль, но нам нужно срочно отправляться в Ливерпуль – сегодня вечером мы отбываем на круизном лайнере в путешествие по Атлантике.

Выразив сожаление, что все получилось столь неудачно, Алан предложил встретиться по возвращении из круиза. Откланявшись, наши путешественники, не теряя времени, срочно отправились на железнодорожный вокзал. Поскольку Стас, памятуя прошлую поездку в эти края, не испытывал особого желания прокатиться на метро или электричке, Гуров взял такси, и наши путешественники покатали из Хитроу в Паддингтон.

Озирая окрестности, Крячко, сидевший на заднем сиденье, пустился в воспоминания об их со Львом визите в эту страну. Он со вкусом расписывал, как они впервые прошлись по знаменитой Пикадилли, как побывали в Гайд-парке, как сидели в кафешках на берегу Темзы...

– ...Да, Лев, трижды ты тогда был прав – какая тогда выдалась поездка! – мечтательно причмокнул Стас. – Кстати, я до сих пор удивляюсь тому, что наше последнее приключение не стало поводом к скандалчикам и разборкам. Ну, ты понял, о чем речь. Все же, что ни говори, а Смирнов – профи ультракласса. Кстати, как он там? Ты давно с ним контактил?

– Месяца три назад перезванивались, – обернулся к нему сидевший впереди Гуров. – Он как раз только что вернулся от дочери – ездил к ней в гости. Познакомился со всей английской родней. Привет нам обоим передавал от Кэт.

– И ты об этом мне ни слова не сказал? – насупился Стас, игнорируя настороженно-выжидающий взгляд Маргариты, сидевшей между ним и Марией Строевой.

Окинув его удивленным взглядом, Лев рассмеялся:

– Ну, ты даешь! Неужели тогда, ну, у Петра на даче, коньячок тебя так шандарахнул, что ты уже был на автопилоте и ничего не запомнил? А я тебе, между прочим, когда ходили блеснить щуку, сразу же сказал, что позвонил Алексей Юрьевич, спрашивал, как у нас дела.

– Да?.. – несколько сконфузился Крячко. – Ну, а что удивительного? Мы тогда на троих больше литра коньяка бабахнули.

Теперь уже и Мария, слушая их разговор, посмотрела на мужа почти так же настороженно-выжидающе, как и Маргарита.

– Что, дамы, – хитро подмигнул им Лев, – любопытство обуяло вперемешку со злодейкой-ревностью? Ладно, отвечаю по пунктам. Рита, Кэт – это наша общая знакомая. Мы с ней

всего лишь «свои парни», и не более того. Она дочь нашего хорошего товарища. Тут, как говорится, ничего личного. Теперь по поводу дачи и коньяка. Мы недавно с Петром поспорили, кто заказал убийство банкира Баланкина. Он утверждал, что это его зам, а мы считали, что это бывший начальник охраны, который считался умершим.

– Понятно... – усмехнулась Мария. – Заказчиком оказался якобы умерший бывший начальник охраны, и Петр, как это у вас называется совершенно неинтеллигентным словом, проставился. А убийца-то кто же?

– Как и во всяком банальном детективе – шофер, – пожал плечами Лев и рассмеялся.

Водитель такси – крупный малый с толстыми ручищами – неожиданно покосился в его сторону и, к всеобщему удивлению, недовольно проворчал по-русски:

– Ну, что за жизнь пошла? Везде шофер виноват!..

– О! Да тут, похоже, наш соотечественник? – почему-то обрадовался Станислав.

– Сооте-е-чественник... – с какой-то затаенной горькой иронией протянул таксист. – Но уже подданный ее величества. В прошлом году получил подданство, – задумчиво закончил он.

– А сюда как попал? – поинтересовался Крячко.

– Судьба... – усмехнулся шофер. – Я сам родом из Риги, даже на осьмушку латыш. Но себя считаю полностью русским. Мои родители лет семь назад переехали в Россию по программе переселения соотечественников. Руки бы отбить тому идиоту, который ее разрабатывал! Ну кто так относится к своим людям? Мы в Латвии были бесправные неграждане, а прав имели больше, чем в России. И возможностей тоже. В России вообще черт знает что творится. Соседи у них – азиаты, гражданство получили всего за год, а мои стояли в очередях почти пять лет.

– Ну а ты, я так понял, посмотрел на этот бедлам и махнул на Британские острова... – понимающе кивнул Гуров.

– Да... В Ригу возвращаться тоже уже не хотелось. Там все пошло под откос. Со своими нацистскими закидонами они скоро вообще на ноль сойдут. Правда, и здесь уже явный депрессняк. А я тут как окопался? В Латвии занимался боями без правил, одно время был даже в десятке сильнейших. Вот и здесь пошел на ринг. Ну, появились знакомые, поклонницы... Как-то познакомился с Энни – она меня встретила у спортивного центра и попросила автограф. Слово за слово... Когда через месяц привела знакомиться с предками, те были в шоке – русский, да еще кулачный боец... В их представлении – чуть ли не разбойник с большой дороги. Ну, а сейчас – ничего. Привыкли. Анька, правда, заставила бросить ринг. Вот теперь такую...

– Дети есть? – спросила Мария.

– Пока нет, тут с этим не все так просто. Надо хотя бы денег набрать, а потом уже о детях думать... Вообще, конечно, иногда задумываюсь – а тут ли мое место? Вот родятся дети и вырастут англичанами со странной фамилией Иванофф... Хотя, по совести сказать, самих англичан, я гляжу, в городах все меньше и меньше. Говорю своей: давай хоть немного разбавим однообразно-черный Лондон какой-то долей европейской крови. Но у нее с чувством юмора туговато. Сразу начинает возмущаться: «Вол-одька, ты – расист!»

Таксист покрутил головой и рассмеялся.

Мария и Маргарита, явно подумав об одном и том же, обменялись взглядами, в которых читалось: «Я, конечно, за дружбу между народами. Но Англию-то хоть немножко хотелось бы видеть английской, черт подери! Что это еще за массовая «вавилонизация» всех стран и континентов?..»

За окнами такси мелькали дома и скверы, какие-то магазины, светящиеся неоновыми рекламными, и всякого рода заведения, именуемые в России казенным словом «общепит». Ближе к вокзалу в нескольких местах промелькнули в чем-то игрушечного фасона вагончики английских железных дорог.

– В принципе, я человек не злой... – после некоторого молчания продолжил шофер. – И даже близко не расист. Но когда еще только начал крутить баранку, как-то вез троих салаг – они родом откуда-то из Судана или Сомали... И вот в дороге один из них достал нож и, не говоря ни слова, попытался вогнать мне в глотку. Слава богу, подготовка у меня – что надо. Всех троих этих щенков скрутил, отвез в полицию. Что бы вы думали? Через полчаса перед полицейским участком вопила толпа негров, которые обвиняли меня в расизме, в избиении «беззащитных детей», в подлоге ножа... Ну, типа, это я «бедным мальчикам» подсунил свой нож, чтобы из расистских побуждений упрятать их в тюрьму. Представляете? Меня самого после этого чуть не посадили! О страна! Я с тех пор такую клиентуру объезжаю десятой дорогой.

В салоне вновь повисло молчание. Пассажиры задумчиво взирали на пешеходов, идущих по тротуарам.

– Вот, никак не привыкну к тому, что здесь надо ехать по левой стороне, – глядя на бегущий справа навстречу им поток машин, сокрушенно отметила Маргарита.

– Да, после нашего правостороннего к здешнему привыкнуть не так-то просто, – вздохнув, согласился таксист. – Для меня вначале это было что-то вроде затяжной болезни – пришлось всего себя ломать изнутри... Еле привык! А иные, говорят, так и не могут приспособиться. Ну, вот вам и Паддингтон! – объявил он, сворачивая к зданию вокзала.

Билеты на поезд нашим путешественникам достались, как выразился Стас, с дурью несусветной. Как оказалось, остались места лишь в «однополые» двухместные купе – только для мужчин и только для женщин. Стас, уразумев, в чем суть вопроса, начал было бузить, но Лев, крепко сжав его локоть, шепнул, чтобы тот «не раздувал кадило».

– И что же это, мы с тобой поедem в одном купе, Мария с Ритой – в другом, по разным концам вагона? – сунув руки в карманы, сердито спросил Крячко.

– А кто нам запретит поменяться местами? – вручая своим спутникам их билеты, невозмутимо ответил Гуров.

– Тьфу, блин! А я об этом как-то и не подумал... – досадливо фыркнул Станислав.

Загрузившись в свои купе, путешественники занялись тем, что каждому из них было интереснее. Дамы включили имеющиеся в купе телевизоры и выбрали интересные только им программы. Маргарита нашла показ мод, где все было понятно и без слов, а Мария программу, в которой рассказывали про старейший лондонский театр Ковент-Гарден, построенный еще в восемнадцатом веке. Стас и Гуров вышли на перрон, неспешно вспоминая свои былые приключения на Британских островах.

– Ты будешь смеяться, но мне почему-то кажется, что нам и в этот раз спокойного путешествия не предвидится, – глядя на голубей, кружащихся над вокзалом – ни дать ни взять обычные русские сизари, – с чуть заметной улыбкой констатировал Лев.

– Это ты насчет предчувствий Марии? – понимающе ухмыльнулся Стас. – Так они уже сбылись – вон, когда летели. Думаю, свой лимит на неприятности мы уже израсходовали.

– А-а-а... Это ты имеешь в виду теорию снаряда, два раза не бьющего в одну и ту же воронку? – отмахнулся Гуров. – Чепуха это все... Бьет, зараза, и еще как бьет. Я сам с какого-то момента вдруг начал чувствовать, что на нас надвигается что-то опасное. Это еще как у нас в школе было, когда мы первоклашками за неделю чувствовали прививки. Вот и сейчас – что-то должно случиться.

– Хм... – Сунув руки в карманы брюк, Крячко перекатился с носков ботинок на пятки и обратно. – Ну, в принципе, это объяснимо. Сколько лет мы уже варимся в этом котле? Тут наверняка интуиция поневоле начинает работать на порядок интенсивнее... Слушай, Лев, а может, пока эти самые неприятности на нас не свалились, пойдem хлебнем настоящего английского эля? А? А то через Англию прем на рысях, как будто за нами гонится целая орда киллеров. Надо же хоть как-то отметить здесь свое присут...

Он не договорил, поскольку проходившая в паре шагов от них благообразная леди с плоской корзиной на локте, чем-то похожая на киношную мисс Марпл, неожиданно споткнулась и с размаху села на «пятую точку», что-то испуганно проговорив на своем родном языке. Приятели, переглянувшись, поспешили к леди и, подхватив ее под руки, аккуратно поставили на ноги. Рассыпаясь в благодарностях, та порывисто обняла их и, раскланявшись, продолжила свой путь, моментально исчезнув из поля зрения. Проводив ее взглядом, Гуров чему-то очень хитро улыбнулся.

– Стас, ты собирался хлебнуть пивка. Меня не угостишь? – с непонятным подтекстом поинтересовался он.

Ощувив какие-то смутные подозрения, Крячко схватился за карман пиджака и, ошалело оглядевшись по сторонам, воздел над головой стиснутые кулаки.

– Япона мать! – рявкнул он. – Где она, эта старая кошелка? Ща поймаю, наизнанку выверну!

– Охолонь! – теперь уже от души рассмеялся Лев. – На, возьми свое хозяйство, да «коробочкой» больше не щелкай.

Он достал из кармана бумажник Стаса и протянул приятелю. Тот недоуменно взглянул на Льва, не понимая происходящего, а Гуров, глядя на его хмурое и в то же время недоумевающее лицо, рассмеялся еще громче.

– Стас, Стас... – с укоризной покачал головой Лев. – Что ж ты, опер с таким стажем, и не смог вычислить обычную вокзальную мошенницу? Что, слишком расслабился? Не расслабляйся. Тут ворья тоже хватает. А я сразу засек, когда она у тебя выудила бумажник и бросила в корзину. Ну а я на правах взаимности не только вернул твое хозяйство, но еще и кое-что прихватил на память. – Он вытащил из кармана связку фирменных отмычек.

Хлопая глазами, Крячко некоторое время осмысливал происходящее, после чего неожиданно хлопнул себя по коленкам и, схватившись за живот, дико захохотал на весь перрон. И прохожие, и вышедшие подышать пассажиры, и провожающие удивленно оглянулись в сторону непонятно отчего внезапно развеселившегося иностранного джентльмена. А Стас, продолжая хохотать, мотал головой и без конца повторял:

– Ну, Лева! Ну, обул карманницу! Представляю ее физиономию, когда она докумекает, что ее саму обчистили!..

В этот момент бархатный голос диктора объявил отправление поезда. Пассажиры тут же поспешили в вагоны. Сев у окна, Лев не отрываясь смотрел на перрон. Казалось, он чего-то ждал. И его ожидания оправдались. Откуда-то из-за угла выскочила все та же «леди», растерявшая всякую солидность и респектабельность. Разозленной бодливой козой она заметалась по перрону, безуспешно разыскивая тех, кто над ней так посмеялся. Судя по всему, подобную неудачу она переживала впервые в жизни. Вагон дрогнул и, набирая скорость, помчался куда-то в западном направлении. Видимо, поняв, что незнакомцев ей не найти, «леди» погрозила уходящему поезду сухим кулаком и уныло побрела к пабу. Как видно, чтобы залить там свою недавнюю неудачу пинтой доброго эля.

Проводив ее взглядом, Гуров тихо рассмеялся. Мария, сидевшая перед телевизором, оглянулась и удивленно спросила, что так рассмешило мужа. Лев вкратце рассказал ей о происшествии на перроне, на что Мария почему-то неодобрительно покачала головой:

– Лева, зря вы так над ней посмеялись... Я вот только мельком увидела ее со спины, и мне отчего-то стало не по себе. Какая-то она... Ведьмаковатая, что ли? Нет, суеверия тут ни при чем, но, как говорится, не буди лиха. Ну, зачем это нужно, чтобы перед такой непростой и рискованной вещью, как морское путешествие, наживать себе недоброжелателей? Какие же вы со Стасом оба беспечные.

Ощувив неловкость из-за того, что его проделка не к месту встревожила Марию, Лев пожал плечами.

– Радость моя, ну, ты что-то уж слишком впала в пессимизм, – не зная, как на это отреагировать, с безмятежным видом резюмировал он. – Зачем на каждый чей-то чих так болезненно реагировать? Она же сама обокрала Стаса, и я всего лишь вернул взятое ею. А то, что отмычки прихватил на память, так, считай, избавил кого-то от риска быть обкраденным ею. Разве это какой-то грех?

– Конечно, нет, – устало улыбнулась Мария. – Но... Понимаешь, мне подумалось, что эта особа что-то очень недоброе пожелала всем нам, независимо от того, хорошее сделал ты или плохое. Да, что-то не задалось у нас это путешествие. Не задалось... Но о возвращении не может быть и речи! Все, что нам уже назначено, переживем в пути, – поспешила добавить она, заметив, что Лев снова собирается заговорить о чем-то, наподобие «давай вернемся».

Но Гуров на самом деле думал совсем о другом. Ему вдруг пришло в голову, что если нынешнее их путешествие и началось с целой цепи непредвиденных, странных событий, то и его спутница жизни, некогда совершенно беспечная и решительная, отчего-то сейчас вдруг стала излишне мнительной и беспокойной. Когда это бывало, чтобы Мария Строева вдруг начала заниматься самокопанием, морализаторством, предчувствиями?!

«Неужели это... Годы? – опасаясь даже мысленно произнести подобное слово и окинув взглядом жену, отметил он. – Да-а-а... Похоже на то. Прямо, как кто-то это называл, картина маслом – о, где вы, где вы, юные года?..»

Но вслух сказал совсем другое:

– Какая ты у меня красивая, даже когда за что-то меня порицаешь! До сих пор не могу к этому привыкнуть: у меня – самая красивая, самая обаятельная жена.

– Ой, Левка-а-а! – покачала головой Мария. – Конечно, слышать комплименты всегда приятно. Но почему-то с течением времени они вызывают доверия все меньше и меньше. Ладно, принимается. Слышать такую правду, сказанную без прикрас, прямо в глаза – согласна! – с некоторым оттенком иронии добавила она, и они оба рассмеялись.

Мария снова обернулась к экрану телевизора, а Гуров к окну вагона, за которым в отдалении проносились окруженные зеленью аккуратные, красивые, типично английские коттеджи какого-то поселка. Неожиданно он скорее почувствовал, чем увидел движение двери купе, словно кто-то приоткрыл ее и замер в непонятном ожидании. А еще Лев ощутил чей-то взгляд. Вроде и не враждебный, но и без дружелюбия. Скорее всего, его можно было бы назвать неприязненно-любопытствующим. В то же мгновение он резко обернулся и лишь краем бокового зрения увидел нечто странное, мгновенно скрывшееся за дверью, которая столь же стремительно закрылась без единого звука.

Озирая напряженным взглядом закрытую дверь, Лев пытался внутренним взором разглядеть загадочное нечто, которое то ли было, то ли нет. Просуммировав свои мимолетные ощущения и смутный, почти не запечатлевшийся в памяти образ того, что заглядывало в купе, в своем воображении он на мгновение высветил приземистую фигуру какого-то карлика с бледной кожей лица и ржаво-рыжей бородой и шевелюрой. Точно! Это и в самом деле был какой-то карлик, ростом менее метра, с бесцветными глазами и большим крючковатым носом.

Мария, уловив его неожиданно резкое движение, обернулась к мужу и вопросительно качнула головой, безмолвно спрашивая – что еще там за «и-го-го с кубретами», как иногда она охарактеризовывала чьи-то странные, труднообъяснимые жесты. Немного помолчав, Лев потер лоб и, пожав плечами, недоуменно произнес:

– Чертовщина какая-то показалась... Уж не знаю, что и думать! Представляешь, в какой-то миг появилось ощущение, будто дверь купе приоткрылась и сюда заглянул – ты, пожалуйста, не смейся! – какой-то взлохмаченный карлик с бородой и длинными волосами ржаво-рыжего цвета. Может, у меня отчего-то галлюцинации начали появляться? Или...

Он не закончил фразу, поскольку Мария с расширившимися глазами резко оглянулась в сторону двери и, изучающе глядя на него, почти прошептала:

– Так ты тоже его видел? Господи! – Она торопливо перекрестилась. – А я-то подумала, что из-за этой дорожной нервозности сама начала бредить наяву. Он такого небольшого роста, с крючковатым носом?

– Да... – внутренне напрягшись, кивнул Гуров и поднялся на ноги. – Надо узнать у проводника – может, это среди пассажиров затесалось такое чудо природы?

Глава 4

Лев вышел из купе и, увидев невдалеке у окна некоего толстого господина средних лет, дымившего сигарой, направился к нему.

– Гууд афтонун, сэр! – вежливо поздоровался он и на своем не самом грамотном английском спросил у курильщика, не видел ли тот в коридоре человечка небольшого роста с рыжей бородой.

Измерив его удивленным взглядом, мужчина категорично помотал головой. Проводник, которого Лев заметил в конце коридора, тоже ничего дельного сказать не смог. Во всяком случае, по его словам, ни одного пассажира, подходящего под описание «джентльмена из России», он не видел еще ни разу. Проходившая в этот момент мимо них строгого вида дама, как видно, услышала обрывок разговора и, оглянувшись, замедлила шаг.

– Простите, сэр, – деловито произнесла она, – возможно, я вмешиваюсь не в свое дело, но, как мне кажется, я могла бы дать вам некоторую информацию, которая, я так поняла, вас очень интересует.

– Вы очень любезны, леди! – признательно улыбнулся Гуров. – Я весь внимание.

– Да, да, леди, – закивал, как видно, до крайности заинтригованный проводник, – с вашего позволения, я бы тоже был не против послушать вас.

Дама подошла к окну и кивком головы указала на виднеющуюся за зеленью лиственной рощи грядку каменистых холмов.

– Видите вон те холмы? Еще девочкой я проживала с родителями в этих местах и от одной здешней жительницы слышала такую легенду. По ее словам, под теми холмами и по всей этой территории под землей живут странные человечки, ростом не более ярда. Это самые древние жители Британских островов, которые здесь жили тысячелетиями до появления первых людей, таких, как мы с вами. Их называли крючконосые, или «маленькие рудокопы». Эти человечки почти все время находились под землей в своих пещерах и подземных лабиринтах и лишь изредка появлялись на поверхности...

Далее дама рассказала, что подземные обитатели обладали некими магическими свойствами – умением наводить на людей мороки, а также мгновенно переноситься на большие расстояния. Однажды она со своими сверстниками играла на холмах, и на ее глазах исчез восьмилетний мальчик, который надумал зайти в случайно обнаруженную им пещеру у подножия холма. Он лишь зашел туда и тут же словно растаял в воздухе. Больше его никто не видел. Поиски, которые вела целая команда спасателей, оказались безрезультатными.

Закончив университет и став этнографом, в Ирландии и Шотландии она тоже слышала подобные истории и предания от стариков отдаленных горных селений. Один из них уверял, что сам целый год был пленником крючконосых, которые содержали его в большой пещере, где он был для них чем-то наподобие диковинного зверя, за которым они наблюдали. Как он оказался на поверхности, старик и сам не мог внятно сказать. Просто однажды проснулся на вершине холма, с которого увидел свое селение.

Дама собиралась сообщить что-то еще, но в этот момент из тамбура в коридор вагона вбежали запыхавшиеся мужчина и женщина средних лет и торопливо направились в их сторону. Взяв даму за руку, мужчина укоризненно покачал головой.

– Ах, мисс Гаридж, мисс Гаридж! Как вы нас напугали! Ну зачем вы покинули свое купе? Идемте, идемте! Сейчас вы примете лекарство и ляжете спать. А потом, когда проснетесь, уже будете у себя дома, в Ливерпуле. Вы ведь очень хотите домой?

– Да... – грустно улыбнулась дама и тут же горячо заговорила, обращаясь к Гурову: – Послушайте, джентльмены, напоследок хочу сказать вам вот что... Появление «маленьких рудокопов» – очень плохая примета. Очень! Остерегайтесь их. И еще... Еще секунда, мистер

Логсли! Если увидите крючконосого, немедленно бросьте в его сторону щепотку соли и скажите: «Соль тебе под ноги, соль тебе в глаза». Это поможет избавиться от их вредоносного действия. Это...

Не дав ей договорить, мягко, но настойчиво мужчина увел мисс Гаридж с собой, а пришедшая с ним женщина, глядя ей вслед, сокрушенно покачала головой и сочувственно пояснила:

– Бедная мисс Гаридж! Как вы можете понять, она не в себе. Когда-то, еще в детстве, она была чем-то очень сильно напугана и вот с тех пор часто бредит наяву. Видит каких-то рыжебородых крючконосых карликов, кидается в них солью. После этого у нее, как правило, начинается реактивный психоз. Я ее племянница, у нее близких родственников нет никого, поэтому я ее опекаю. Мы возили ее в Лондон на консультацию в лучшую клинику. Там сказали, что это с ней навсегда. И вот, сама не знаю как, она сумела самостоятельно скрыться из купе. Мы с мужем так переволновались! Ведь она могла попасть в серьезную переделку с непредсказуемыми последствиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.